ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 65 (3094) Вторник, 2 июня 1953 г. Цена 40 коп.

Убрать все преграды между драматургом и театром

Общественное и творческое лицо театра всегда видно на его афише. Это лицо создается выбором поставленных пьес, **репертуаром** театра, всей его четко и ясно проводимой репертуарной линией.

Вся история театра напоминает о том, что любовь и искреннее признание зрителя приносило актерам, режиссерам и театральным коллективам, главным образом и прежде всего, их умение строить свой репертуар, включая в него пьесы, которые смело и остро поднимали бы самые насущные проблемы современности, отвечали бы на наиболее волнующие вопросы.

Личная ответственность руководства театра за репертуар, который привлекал бы зрителя и давал бы ему высокое эстетическое удовлетворение, будучи в то же время идейно и художественно полноценной основой для работы режиссера и актеров,— наиболее действенное средство для постоянного обеспечения драматических театров притоком новых хороших пьес.

Активность театра и активность драматурга — явления взаимосвязанные.

Между тем система мелочной опеки над театрами, осуществлявшаяся бывшим Комитетом по делам искусств, привела к тому, что репертуарные планы не только утверждались, но зачастую и формировались в аппарате управления театров. Тот же аппарат присвоил себе исключительное право одобрять или запрещать все пьесы, он мог административным порядком отобрать пьесу у театра, с которым работал автор, и передать ее в другой коллектив, и это нарушало все связи между драматургом и театром, ибо содружество писателя с организацией, которая лишена возможности принять или отклонить его произведение, конечно же, не имело практического смысла. Взаимоотношения же драматургов с аппаратом комитета не могли быть подлинно творческими, и это отразилось, и не могло не отразиться, на всем состоянии нашей драматургии.

Убедившись в ненормальности подобного положения, Комитет по делам искусств в течение последнего года предпринял некоторые шаги для того, чтобы возвратить театрам самостоятельность в их репертуарной политике (кстати сказать, не зря же существует и этот, ко многому обязывающий и многое определяющий термин: «репертуарная **политика** театра»!). Но делалось это с оглядкой, далеко не для всех театров и с оставлением за аппаратом комитета права на окончательное утверждение репертуарных планов и на одобрение пьес.

Подобные половинчатые меры не могут дать насущно необходимых результатов. Создание обширного и полноценного драматического репертуара, действенная забота о появлении новых пьес, глубоко и многообразно показывающих жизнь и труд советских людей,— первостепенная задача театров и одна из важнейших задач нашей литературы.

Благодаря заботам партии, глубокой и принципиальной критике партийной печати — с пути развития драматургии убран ряд серьезных помех. Разоблачена вредная деятельность группы критиков-антипатриотов. Вскрыта и развенчана пресловутая «теория бесконфликтности», породившая немало аморфных, серых, заслуженно отвергнутых зрителем произведений. Ведется последовательная и решительная борьба против ремесленничества и халтуры. Появление ряда новых, интересных драматических произведений — первый убедительный результат этой заботы.

И все же число новых пьес не может удовлетворить ни театры, ни зрителя. А для того, чтобы это число возрастало больше и больше, необходимо решительно содействовать восстановлению творческих связей драматургов с театрами, дать театрам право не только вступать с драматургом в контакт во время работы над пьесой, но и одобрять законченную пьесу, включать ее в свой репертуар и показывать зрителю, проверяя общественным мнением итоги своей работы.

Редакционная коллегия журнала, редакционный совет издательства являются у нас единственными правомочными инстанциями, решающими судьбу произведения, написанного прозаиком или поэтом. Всесторонне обсудив рукопись, поработав над нею вместе с автором, они выпускают книгу на суд читателя. Случается порою, что они ошибаются, излишне торопятся. Читатели и критика помогают в таких случаях исправить ошибки, довести до конца незавершенную работу.

Руководство театра и его художественный совет должны обладать такими же правами, обнародуя произведения драматической литературы. Это откроет широкий путь на сцену способным драматургам, живущим на периферии, создаст необходимое русло для потока пьес, не могущего пробиться сквозь узкую горловину репертуарно-редакторского отдела управления театров, взвалившего на себя непосильную обязанность читать, консультировать и одобрять **все** пьесы, выпускающиеся на сцену.

У нас и теперь в областных театрах получают сценическую жизнь пьесы местных авторов, нередко выходящие затем на всесоюзную сцену. Но сколько барьеров приходилось им преодолевать на своем пути к зрителю! Вот, например, Тамбовский театр около двух лет тому назад познакомился с пьесой, написанной живущим там же, в Тамбове, врачом Н. Архангельским. Пьеса заинтересовала театр. Коллектив начал работать с автором. Однако для того, чтобы эта пьеса — «Печать доверия» — смогла быть включена в репертуарный план и поставлена, театру пришлось получать разрешения: 1) от областного отдела искусств; 2) от Комитета по делам искусств РСФСР; 3) от репертуарно-редакторского отдела Комитета по делам искусств СССР; 4) от управления театров. Четыре инстанции, четыре перечня «необходимых» поправок, предписанных по вкусу и разумению каждой из инстанций, и в результате — четыре долгожданных печати, каждая из которых является в данном случае печатью недоверия к театру и драматургу. Пьеса была показана зрителю минувшей зимой и, кстати, в той самой редакции, которую автор, несмотря на отсутствие разрешений, готовил в тесном творческом контакте с театром, и которая была обсуждена... еще в 1951 году на семинаре в Союзе советских писателей.

Новосибирский театр «Красный факел» получил и обсудил пьесу местного автора В. Лаврентьева «Семья Кряжевых». Пьеса коллективу нравится, он хочет привезти свой новый спектакль на гастроли, намеченные нынешним летом в Москве. Руководитель театра, режиссер В. Редлих, ведет уже работу над пьесой. Но эта пьеса еще не разрешена к постановке; она ходит между областным отделом искусств, управлением театров РСФСР и управлением театров СССР. А не лучше ли поверить театру и посмотреть, каким будет спектакль, за который он сам целиком и полностью отвечал бы?

Каждый театр должен обладать правом на первую постановку новой, одобренной им пьесы. Общественное мнение, выступления печати покажут, заслуживает ли эта пьеса дальнейшего распространения, может ли она быть рекомендована для постановки другим театрам. И драматург, услышав от театра поощряющее его слово, приняв разумные, идущие на пользу дела советы, должен твердо знать, что он вступил в творческое сотрудничество с организацией, чьи решения ответственны и окончательны, чья начатая работа сможет быть доведена до конца без помех.

В таком сотрудничестве драматурга и театра должны существовать твердые обоюдные обязательства.

Драматург вправе заключить договор на первую постановку своей пьесы с одним театром — и только с этим одним театром может он работать, завершая окончательный сценический вариант. Это, казалось бы, естественное положение не должно требовать никаких особых оговорок: разные театры — разные вкусы, и не может же драматург потрафлять на любой вкус, дорабатывая свою пьесу одновременно по указаниям двух-трех режиссеров, каждый из которых тянет его в своем направлении. Однако на деле такие случаи бывают. Достаточно напомнить историю появления пьесы А. Симукова «Девицы-красавицы», показанной в нынешнем сезоне почти одновременно двумя московскими театрами не только в двух различных вариантах, но даже и под разными названиями.

Такая уступчивость автора, легко сдающего свои творческие позиции, в значительной мере воспитана существовавшей в последние годы многостепенностью инстанций, каждая из которых выпускала пьесу, лишь обусловив в ней те или иные изменения, продиктованные редакторским вкусом и разумением.

Недостаток творческой принципиальности — грех, присущий не только иным драматургам, но подчас и театрам.

Весьма и весьма часты случаи, когда руководители театра, успев наговорить множество комплиментов автору принятой ими пьесы, отворачиваются и от пьесы, и от драматурга, едва дойдет до них смутный слух о том, что произведение это «где-то» не понравилось, «у кого-то» вызвало неодобрительное суждение.

Драматург должен осуществлять первую постановку с **одним** театром, работать с **одним** коллективом. За нарушение договора, т. е. за нарушение сроков окончания работы над текстом пьесы или сроков выпуска спектакля, за передачу пьесы другому театру или за прекращение репетиций и театр, и писатель должны нести моральную и материальную ответственность.

Приняв пьесу, приступив к работе над ней, руководство театра и его художественный совет должны уметь отстаивать свою точку зрения, настойчиво добиваться завершения работы, считая успех пьесы и своим успехом, мужественно деля с автором ответственность за неустраненные ошибки и просчеты.

Для того, чтобы между театрами и драматургами смогли восстановиться такие нормальные отношения, основанные на тесной творческой дружбе и полной обоюдной ответственности, необходим ряд условий.

Важнейшее из них — укрепление звена, отвечающего за репертуарную линию театра.

Классическим примером плодотворной и последовательной деятельности литературной части театра остается долголетняя работа В. И. Немировича-Данченко в МХАТ.

Уже в ранние годы советского театра возникла внутри театрального коллектива литературная часть, призванная работать с драматургами, пишущими для данного театра. Большую роль помощника, советчика, выражавшего творческие принципы, вкусы и направление театра, играл заведующий литературной частью, и авторитет его в театральной и писательской среде был высоким. Естественно, что руководство литературной частью вверялось опытным критикам, писателям, режиссерам или актерам. Проявляя широкую инициативу, они создавали вокруг театра писательский актив, и драматург, вступая с ними в переговоры, знал, что театр и его заведующий литературной частью являются единственной инстанцией, решающей судьбу его пьесы.

Даже Московский Художественный театр на протяжении многих лет не принимает участия в литературной жизни страны. А ведь расцвет этого театра, слава его обусловлены в значительной мере и тем, что путь МХАТ—и на заре его существования и в советский период—неотделим от развития всей русской литературы.

Система централизованного распределения пьес, одобренных Комитетом по делам искусств, привела к тому, что смелая и настойчивая борьба театра за собственный репертуар сменилась пассивным выжиданием готовых, прошедших все необходимые инстанции пьес. Если раньше театр интересовался творческими замыслами близкого ему драматурга, воодушевлял его, вынашивал вместе с ним его тему, привлекал новых авторов, угадывая под обложкой прозаической книги возможного драматического писателя, то теперь театр, равнодушный к автору и занятый лишь поисками любой «верной», всеми одобренной пьесы, перестал быть родным домом для драматурга.

Литературные части с течением времени превратились в технический вспомогательный аппарат и перестали выполнять свои основные функции. Вряд ли сейчас одним из решающих голосов при формировании репертуара того или иного театра может считаться голос завлита. А ведь завлиты существуют; они занимаются... организацией рекламы, подбором подсобного материала для постановщиков спектаклей, ведут протоколы совещаний, объясняют авторам, что главные режиссеры не читают пьес потому, что перегружены работой, и т. д. и т. п.

Театрам нужны не безликие завлиты, не технические исполнители, а высококвалифицированные и авторитетные как в театральной, так и в писательской среде люди. Было бы правильнее называть их не завлитами и не помощниками главных режиссеров по репертуарной части, а **заведующими репертуаром** театра.

Заведующий репертуаром должен быть полноправным лицом в руководстве театра по творческим вопросам. Он должен выражать точку зрения, вкусы театра; должен иметь свою твердую позицию, свой решающий голос при окончательном выборе и принятии пьесы, включаемой в репертуар. Таким лицом может быть человек, знающий и любящий драматургию и театр,— режиссер или актер, драматург или критик. Он должен жить интересами театра, видеть главную свою задачу в привлечении и объединении писателей, близких творческому коллективу данного театра по своему художественному направлению, в помощи молодым авторам путем консультаций и критического разбора, в организации обсуждения пьес в среде режиссеров и актеров, в тщательном редактировании принятых пьес,— одним словом, во всем комплексе забот о четкой репертуарной линии своего театра.

Нужно активизировать роль художественных советов театров, добиваясь того единственно нормального положения, при котором одобрение пьесы на художественном совете означало бы включение пьесы в производственно-репертуарный план, начало работы с автором над окончательной сценической редакцией его вещи, а затем осуществление спектакля.

А как же обеспечить дальнейшее распространение хороших пьес, доведенных до зрителя тем или иным театром, осуществившим свое право первой постановки?

Целесообразно было бы вместо нынешнего репертуарно-редакторского отдела создать при том же управлении театров **репертуарно-издательский отдел,** обязанный редактировать и выпускать отпечатанный типографским способом «Репертуарный ежемесячник».

В такой ежемесячник включаются новые пьесы, получившие законченную сценическую редакцию, показанные на сцене театра, обладавшего правом первой постановки, и признанные достаточно интересными и значительными для того, чтобы быть рекомендованными другим театрам страны. Сюда включаются и пьесы, поступившие в репертуарно-издательский отдел в порядке самотека, также признанные достойными внимания театров и отредактированные аппаратом отдела. Наконец, одной из важнейших обязанностей репертуарно-издательского отдела должен быть отбор, перевод и опубликование в «Репертуарном ежемесячнике» пьес, созданных драматургами союзных и автономных республик.

«Репертуарный ежемесячник» должен быть специальным изданием, рассчитанным на рабочее использование его в театрах, то есть изданием портативным, дешевым, требующим минимального времени на его выпуск: две недели—вот вполне реальный срок от сдачи в набор до выхода в свет данного издания.

Система творческой работы над пьесой внутри театра и гибкая система распространения новых хороших пьес, а также информация о них для всех театров страны — наиболее действенный путь активизации борьбы за расширение театрального репертуара, за появление драматических произведений, нужных советскому зрителю.

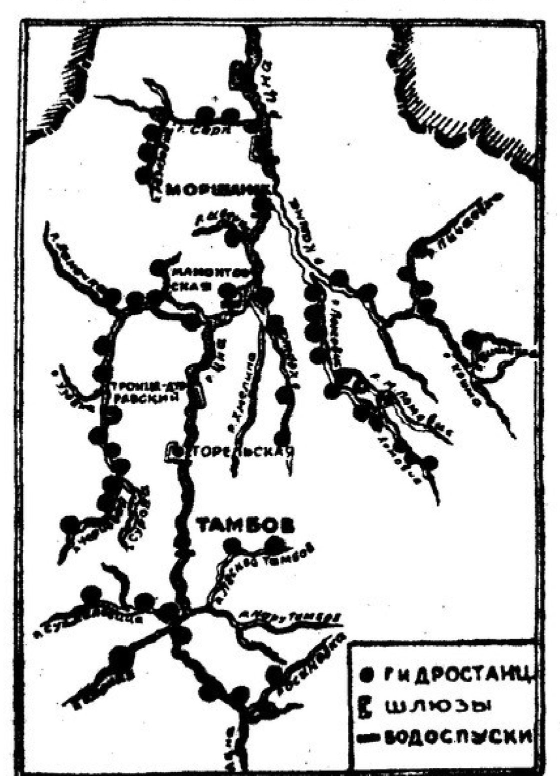
Известное решение Центрального Комитета партии «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» потребовало «устранить препятствия, мешающие опубликованию, распространению и постановке в театрах пьес советских драматургов, сократить до минимума количество инстанций, занимающихся рассмотрением пьес».

Это решение и должно быть выполнено— твердо, последовательно, эффективно и без какой бы то ни было половинчатости.

На Цне

Свыше 60 колхозных гидростанций в бассейне одной русской реки

В жаркий весенний полдень катер «Путеец» Тамбовского областного управления малых рек вышел в рейс вниз по Цне. Старшина катера, сидевший за штурвалом, вывел судно на фарватер, и вскоре Тамбов скрылся за размытыми откосами берегов.

Эта небольшая равнинная река необычайно извилиста, и по ней не так-то просто вести даже небольшой катер. Тем не менее здешние речники ныне буксируют целые караваны барж. В этом году заканчивается шлюзование реки. Цна становится судоходной почти на всем своем 400-километровом протяжении. Местами пришлось прорыть небольшие каналы, спрямляющие русло реки. На одном из перекатов мы видели землечерпалку, ведущую дноуглубительные работы.

По берегам потянулись луга, буйно зазеленевшие после майских дождей. Теснимые лесами, они то подступали почти к самой воде, то отдалялись вплоть до горизонта. Из окна рубки, где находятся пассажирские места, видны большие села, растянувшиеся подчас километров на пять, массивы колхозных полей; будто снежные сугробы, белеют цветущие вишни и яблони в садах; на пастбищах — огромные стада скота. А ведь десятилетия три назад территорию Тамбовщины относили к районам так называемого «оскудевшего центра», что означало полный застой хозяйства, постоянные недороды, нищету. Безрадостный ландшафт развертывался здесь перед глазами путника...

...Через шесть с половиной часов мы подошли к первому шлюзу на Цне, расположенному несколько ниже села Горелого — районного центра Лысогорского района. Мой спутник — старший инженер Тамбовского областного эксплуатационного управления «Главсельэлектро» А. Мушель попросил старшину катера подойти к колхозной гидроэлектростанции, расположенной близ шлюза.

— Как видите, — заметил инженер, — освоение Цны ведется комплексно: решается не только транспортная задача, но и энергетическая. Перед нами — типичный цнинский гидроузел: судоходный шлюз, плотина и ГЭС.

Мы осмотрели сооружения Горельской ГЭС, где в этом году начнется установка двух дополнительных агрегатов; инженер записал необходимые данные для уточнения проекта ее реконструкции, и мы вернулись на катер.

— Это далеко не единственная сельская ГЭС на Цне, — сказал инженер. Он развернул схематическую карту бассейна Цны, на которой были обозначены построенные здесь гидроэлектростанции. Их свыше шестидесяти! Схема напоминает большую кисть винограда.

«Работает» не только сама Цна, но и ее притоки. Строительство сельских электростанций началось в Тамбовской области в 1946 году. Тогда было построено около тридцати небольших станций мощностью от 15 до 30 киловатт. Они использовались главным образом для нужд освещения. Однако в том же году сельские ГЭС начали получать и моторную нагрузку, то есть их энергия стала применяться также в колхозном производстве. С 1947 года стали вводиться отдельные более мощные сельские гидроэлектростанции, в частности, Горельская, которую мы только что видели, и Мамонтовская, расположенная ниже по Цне. В 1950 и 1951 годах на реке были построены уже такие станции, как Чернитовская мощностью в 260 киловатт и Мутасьевская — 203 киловатта. А в прошлом году на реке Вороне была сооружена первая государственная сельская ГЭС — Прудковская мощностью в 310 киловатт. Эта станция обслуживает около десяти колхозов.

Сейчас в области 132 сельских гидроэлектростанции. Для получения электрической энергии использовано большинство рек области. Их, к сожалению, немного, и на этих малых реках не построишь крупных ГЭС. Стоило, однако, приложить руки, и даже эти скромные гидроэнергетические запасы стали работать на благо народа.

Сельские станции не только освещают крестьянские дома. Круг применения электроэнергии в колхозах области непрерывно расширяется. В прицнинских колхозах электромоторы установлены на колхозных мельницах, просорушках, кирпичных агрегатах, пилорамах, вращают станки колхозных механических мастерских. Все больше электромоторов появляется на животноводческих фермах. Они приводят в действие корнерезки, жмыходробилки, клубнемойки, сепараторы, электродоильные агрегаты, аппараты для стрижки овец... Сельские ГЭС позволили создать в области много новых радиоузлов и постоянных киноустановок.

...Смеркалось. Остался позади второй шлюз — Троице-Дубравский. Наш катер подходил к третьему гидроузлу на Цне — Мамонтовскому. На потемневшей воде трепетали отражения огней колхозной ГЭС.

Впереди на Цне — еще три шлюза, уже построенные и готовые к пуску. Когда они войдут в строй, установится прямая транспортная связь с рекой Мокшей, впадающей в Оку, а через нее — и с Волгой. Тогда можно будет из Тамбова водным путем попадать и в Москву.

В. РЕУТ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ТАМБОВ

Немецкие писатели о своей поездке по СССР

В течение месяца гостит в Советском Союзе делегация немецких писателей, приехавшая по приглашению Союза советских писателей СССР. Гости посетили многие театры, музеи, крупные промышленные предприятия, подробно ознакомились с работой Союза советских писателей, побыли в Ленинграде, Сталинграде, Ростове, Тбилиси, в грузинских колхозах.

Вчера немецкие писатели поделились своими впечатлениями о виденном на пресс-конференции, состоявшейся в Союзе советских писателей СССР. Выступивший от имени делегации ее руководитель поэт Куба заявил:

— Делегация немецких писателей убедилась в том, что советская писательская организация добилась больших успехов. С особенной любовью заботятся здесь о молодых талантах. Советская литература развивается на основе повседневной, строгой, но дружеской критики, на основе уважения к творческой индивидуальности писателя. Мы передадим Союзу немецких писателей полученный нами опыт, который, несомненно, будет способствовать улучшению нашей работы.

Наша делегация совершила поездку от Балтийского до Черного моря. Мы видели чудесные колхозные деревни, индустриальные центры, восстановленные города. В великолепии нового Московского университета, в системе шлюзов Волго-Донского канала, в просторе созданного человеческими руками Цимлянского моря, в лесозащитных полосах, окаймляющих совхозные и колхозные поля, мы увидели подтверждение слов бессмертного Сталина — тот, кто так строит, не хочет войны.

Мы отдадим все силы, чтобы построить в Германской Демократической Республике основы социализма, объединить Германию и сделать ее счастливой.

Затем члены делегации рассказали о том, что произвело на каждого из них самое большое впечатление.

— Из всех членов делегации я самый старый, — сказал Ганс Мархвица. — Но в вашей стране я испытал такое радостное волнение, что вновь почувствовал себя молодым. Я обладаю достаточно богатой фантазией, но то, что я увидел здесь, превосходит всякую фантазию. Когда мы любовались вашими новыми высотными стройками, когда плыли по Волго-Донскому каналу, когда стояли на палубе легендарного крейсера «Аврора», залпы которого в 1917 году для меня, солдата старой немецкой армии, не прошли даром, — я думал о том, как много чудесного совершено силой человеческих рук.

— Если мы говорим о своем большом впечатлении, полученном от поездки по СССР, то это, в первую очередь, впечатление о советском человеке, — говорил Макс Циммеринг. — Мы разговаривали, общались с людьми разных профессий и убедились, что все они проникнуты любовью к Родине, любовью к миру и подлинным чувством дружбы к немецкому народу. В лице советского народа мы имеем самого сильного и верного друга.

Писатель Пауль Винс подчеркнул, что его особенно интересовали вопросы печати, книгоиздательства и библиотечное дело. В СССР, как заявил он, литературные журналы, газеты и книги можно достать всюду, в любом киоске. Благодаря тому, что книги выпускаются массовыми тиражами, они доступны каждому. Объективный и деловой тон характерен для всей советской печати. Помещение в газетах речей Эйзенхауэра, Черчилля, Тафта свидетельствует о свободе советской печати, которая опирается на спокойствие и уверенность советского народа.

На пресс-конференции выступили также Пауль Рилла, Петер Хухель, Аннемари Рейнхард, Франц Фюман.

* * *

Вчера вечером в театре им. Евг. Вахтангова состоялся вечер дружбы демократической немецкой и советской литературы.

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

НЕ ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЯ

Весенний футбол всегда несет на себе следы некоторой незрелости: мяч кажется менее послушным, летает без адреса. Забить гол в начале сезона считается своеобразной доблестью. Недаром счастливчик, которому удается направить мяч в сетку ворот, не успевает обмениваться рукопожатиями и поцелуями. После этого он уже более решительно пускает мячи... мимо ворот.

И хотя в последние дни мы видим явное «вызревание футбола», все же мяч попрежнему нехотя влетает в сетку ворот, и «голобоязнь» остается еще болезнью большинства нападающих.

В недавней встрече двух сильнейших столичных команд — «Динамо» и «Спартака»—зрители видели, как мастера футбола А. Рысцов, Н. Паршин, С. Сальников, А. Тенягин непростительно пускали мячи мимо ворот и не очень горевали по этому поводу.

К элементам весеннего футбола нужно отнести и медленный темп многих игр, спокойное «развитие событий», какой-то холодок...

Английский писатель Конан-Дойль, описывая как-то футбол, говоря о форвардах (нападающих), заметил: «Их дело постоянно гоняться за мячом, не переставая и не переводя духа...». Смешно, конечно, сравнивать игру прошлого века с современным футболом, но сила, ловкость, проворство, желание беспрерывно играть, «не переводя духа», останутся навсегда обязательными показателями атлетического футбола. К сожалению, когда смотришь на игру наших футболистов, то слишком часто видишь, как они «переводят дыхание».

Московский зритель с большой симпатией наблюдал за первым выступлением в столице вильнюсских футболистов общества «Спартак» против умудренных опытом динамовцев. В этом состязании молодые литовские игроки показали подлинный спортивный азарт.

Эта игра «не переводя дыхания» помогла литовским футболистам соревноваться с многократным чемпионом страны на равных основаниях. Они не уступили также в состязаниях с динамовцами Киева, железнодорожниками Москвы, не уступили команде общества «Крылья Советов» из Куйбышева и обыграли московских торпедовцев. Хорошее впечатление, оставленное вильнюсскими спортсменами не изменилось и после крупного их поражения в игре с московским «Спартаком».

Конечно же «спортивный азарт» является родным братом спортивной молодости. Значительное оживление в игру вносят молодые футболисты — Б. Татушин в столичном «Спартаке», В. Вацкевич в «Торпедо», А. Котрикадзе в тбилисском «Динамо», В. Саунорис и Р. Людкявичус в вильнюсском «Спартаке» и другие. К сожалению, их еще мало. Однако азартная в хорошем смысле этого слова игра—привилегия не только молодых игроков. В этом убеждает пример В. Трофимова, О. Тимакова, А. Гомеса.

Сейчас еще рано судить о претендентах на первое место. Без поражений идет пока только чемпион страны — столичный «Спартак». Лидируют же ленинградские футболисты общества «Зенит». Успешнее, чем в прошлом году, выступает молодой коллектив московского «Торпедо». Объясняется это, конечно, не тактическим или техническим превосходством торпедовцев, а как раз остротой игры — тем хорошим спортивным азартом, не обладая которым трудно рассчитывать на высокое место в чемпионате.

В остроте борьбы и кроется интерес футбольных состязаний.

М. МЕРЖАНОВ

В эти дни на „Динамо“

Недавно в Москве открылось новое почтовое отделение. Расположено оно в небольшой комнате под Северной трибуной Центрального стадиона «Динамо». Отсюда идут телеграммы в Хельсинки, Лондон, Нью-Йорк, в советские города — Вильнюс, Тбилиси, Саратов, Киев и многие другие. Но независимо от того, куда адресованы телеграммы и на каком языке написаны, все они содержат отчеты об играх сильнейших баскетбольных команд Европы.

Закончилась первая неделя этого интереснейшего соревнования сезона. За это время москвичи так привыкли к своим гостям, что теперь уже никого не удивляет, если вдруг белобрысый мальчуган с Красной Пресни выкрикнет с трибуны: «Молодец, Иво!» или «Вперед, Роже!»—все знают, что первый возглас относится к капитану чехословацкой команды Иво Мразеку, а второй — к сильнейшему французскому баскетболисту Роже Одегану. Зрители знают и замечают все. Они всякий раз аплодисментами встречают появление на площадке маленького подвижного судьи — француза Э. Биго, это — как бы оценка его безупречному судейству. Они заметили, что израильские баскетболисты во время игры на американский манер беспрерывно жуют резинку. Им хорошо известно, что ливанский баскетболист Шавки Рабаби владеет и другой «спортивной профессией», — в прошлом году он тоже приезжал в Москву, но только в составе... волейбольной команды.

Отари Коркия и Карло Черионн, капитаны команд СССР и Италии, обмениваются приветствиями перед началом соревнования.

Фото Н. ВОЛКОВА

За минувшую неделю немало изменений произошло на игровой площадке. Менялись составы команд. Менялась погода, заставляя баскетболистов то перебираться под крышу, то вновь возвращаться на открытую площадку. Не изменялось, пожалуй, лишь одно: острота, напряженность борьбы.

Позади уже четыре дня финальных игр. Особых неожиданностей пока не произошло. Да на них трудно и рассчитывать, поскольку и зрители и сами игроки успели за это время объективно оценить силы каждой команды и реально взвесить ее возможности в чемпионате. Без поражений идет только лидер чемпионата — команда Советского Союза, выигравшая все встречи в предварительной подгруппе и финале. Команда Израиля проиграла одну встречу в своей подгруппе, но также пока без поражения играет в финале. Но израильским баскетболистам в заключительные дни предстоит померяться силами с такими противниками, как команды Франции, Венгрии и Советского Союза. Одно поражение в финале имеют венгры, два — французы. Но и эти команды остаются претендентами на призовые места.

Чехословацкие баскетболисты после серии неудач, которые во многом объясняются недооценкой сил противников, наконец-то одержали победу, и к тому же над очень сильной командой — французской. Эффектно, но без достаточной волевой неутомимости и слишком индивидуально играют египтяне. Итальянцы не имеют пока ни одной победы в финальных встречах. Тем не менее они доказали, что даже в безнадежно проигрышной ситуации могут и умеют бороться до конца.

Сегодня начинается пятый тур финала. От исхода встреч между командами Италии и Югославии, Израиля и Франции, Чехословакии и Венгрии, Египта и Советского Союза зависит очень многое. Команды могут поменяться местами в таблице, а это перед финишем чревато всякими последствиями. Во всяком случае мы, со всей объективностью относясь к спортивным успехам гостей, все же выражаем уверенность, что советская команда до конца не отдаст того места, которое она занимает сейчас.

И. БАРУ

Спорт смелых

Селение Казбеги, раскинувшееся на склонах Главного Кавказского хребта, называют колыбелью советского альпинизма. Отсюда тридцать лет назад вышли на штурм Казбека две первые группы альпинистов. Их было двадцать пять человек, и шли они на штурм одной вершины. Так осенью 1923 года было положено начало советскому альпинизму.

Нынешним летом более восьми тысяч спортсменов побывают в альпинистских лагерях спортивных обществ профсоюзов. Не одну сотню вершин будут штурмовать они в горах Кавказа, Тянь-Шаня, Памира и Алтая.

Готовятся к походам и около трехсот колхозников-альпинистов Казбеги и примыкающего к нему селения Гергеты. Одному из них — Левану Суджашвили нынешней весной присвоено почетное звание мастера спорта СССР.

Другое интересное восхождение будет совершено на Памире. У слияния бурных рек Мук-Су и Сурхоба в июле появится палаточный лагерь экспедиции ВЦСПС. Цель ее — один из не взятых еще «семитысячников» советской земли — пик Корженевской (высота 7.105 метров над уровнем моря).

Штурмовую группу этой экспедиции возглавит Евгений Белецкий. Токарь высокой квалификации Кировского завода в Ленинграде, он носит звание заслуженного мастера спорта; в его «послужном списке» — восхождения на пик Ленина (7.134 м) и пик Сталина (7.495 м). В числе других участников штурма — бывший партизан, заслуженный мастер спорта Евгений Иванов, старший заводской мастер Александр Гожев, астроном Николай Диварн, преподаватель вуза Анатолий Иванов.

На леднике Гармо будет разбит лагерь спортивного общества «Наука». Спортсмены Московского и Тбилисского университетов и институтов Академии наук СССР произведут здесь разведку южных подступов к высочайшей вершине Советского Союза — пику Сталина.

Читатель продолжает разговор

У ПРИЧАЛОВ ПОРТА

1

Статья **«В море — пароход «Мста»** («Литературная газета», № 59 от 19 мая) поставила не новый для моряков вопрос. Он не раз поднимался общественностью, но работники бывшего Министерства морского флота не придавали ему должного значения. А следовало бы.

О неправильном учете стахановской работы экипажей морских судов можно услышать от любого моряка. Каких бы успехов ни добился экипаж в море, конечная оценка его работы производится только после разгрузки, которая от моряков не зависит.

Влияние работы портов на выполнение судового плана, как правильно отмечено в статье, несомненно, огромно. Но жаль, что автор, подметивший недостатки в учете времени работы судов, не затронул еще ряд наболевших вопросов. Среди них есть немаловажные.

По утвержденному положению, приемка и сдача грузов возложены на экипажи судов. Представьте себе судно грузоподъемностью в 8—9 тысяч тонн, в экипаже которого шесть матросов первого класса и три матроса второго класса. Это судно должно принять по счету, а иногда и с весов 8—9 тысяч тонн разнообразного груза и сдать груз точно, место в место, килограмм в килограмм. Обычно такие суда имеют пять люков и погрузка идет одновременно через все люки круглые сутки. Значит, чтобы обеспечить приемку и сдачу грузов, требуется 15 матросов плюс 3 человека для несения круглосуточной вахты у трапа, итого 18 человек. На судне же только девять матросов. Вот и получается, что команда, находясь в порту, работает сверх нормы.

А ведь есть еще и другие работы, которые нужно выполнить в порту: принять продукты на базе, доставить их на судно, получить и привезти необходимые технические материалы, приготовить топливо, подготовить механизмы к выходу в море.

Из-за такой системы судовые команды фактически не имеют возможности отдохнуть при стоянке в порту. Нет времени и для профилактического ремонта механизмов. Все это приходится делать лишь в том счастливом случае, когда судно перевозит массовый, не требующий подсчета мест и взвешивания, груз насыпью.

Следует добиться, чтобы моряки были освобождены от приемки и сдачи груза. Они должны заботиться лишь о правильной его укладке и сохранении в пути. Тогда судовая команда могла бы заниматься прямым своим делом и получить перед выходом в море заслуженный отдых.

В. СТУЛОВ,
капитан дальнего плавания

2

Плавая длительное время на судах торгового флота, я мог бы привести десятки примеров, которые дополнили бы картину косного, непродуманного планирования работы флота, о чем рассказано в статье «В море — пароход «Мста».

Хочу указать на другие причины, которые вызывают простои судов. В одних портах для того, чтобы запастись углем, надо затратить два-три дня, а в других — пять-шесть дней. Разве нельзя избежать таких потерь времени? Конечно, можно. Наши порты в послевоенные годы оснащены совершенной техникой — перегружателями, бункерными судами; они могли бы быстрее снабдить судно. Почему же они этого не делают? Причина — неудовлетворительное планирование.

Дело доходит до нелепостей. Контора по заготовкам и снабжению Балтийского пароходства, например, посылает из Ленинграда вагоны с продуктами, техническими материалами и даже углем в Одессу, Владивосток, Мурманск, Ригу, Новороссийск и другие порты. А в Ленинград из этих же городов идут вагоны с такими же грузами для «своих» судов. И часто бывает, что суда простаивают, ожидая, пока снабженцы подвезут из Одессы то, что легко можно было бы получить в Риге. На ветер летят сотни тысяч рублей. Нам кажется, что этой антигосударственной, порожденной ведомственной узостью практике пора положить конец.

Говоря о простоях, уместно привести и другой не менее важный факт. Раньше по рейсовому заданию полагалось запасаться углем во время погрузочно-разгрузочных операций. Сейчас же об этом почему-то забыли, в плане-задании отводится дополнительное время на принятие топлива. Этого не следует делать. Надо так организовать работу портов, чтобы судно готовилось к очередному выходу в море во время грузовых операций.

Много времени теряют суда из-за так называемых «пробок», которые образуются в портах в результате формально-бюрократического планирования рейсов. В зимний период многие грузовые суда Балтики работают на линии между портами Поти — Новороссийск — Жданов — Феодосия. Они поставляют руду металлургам Юга. Здесь особенно важно точно и четко выполнять часовой стахановский график. Однако диспетчеры главков умудряются направлять одновременно в Поти и Жданов столько судов, что они сутками простаивают на рейдах в ожидании причалов.

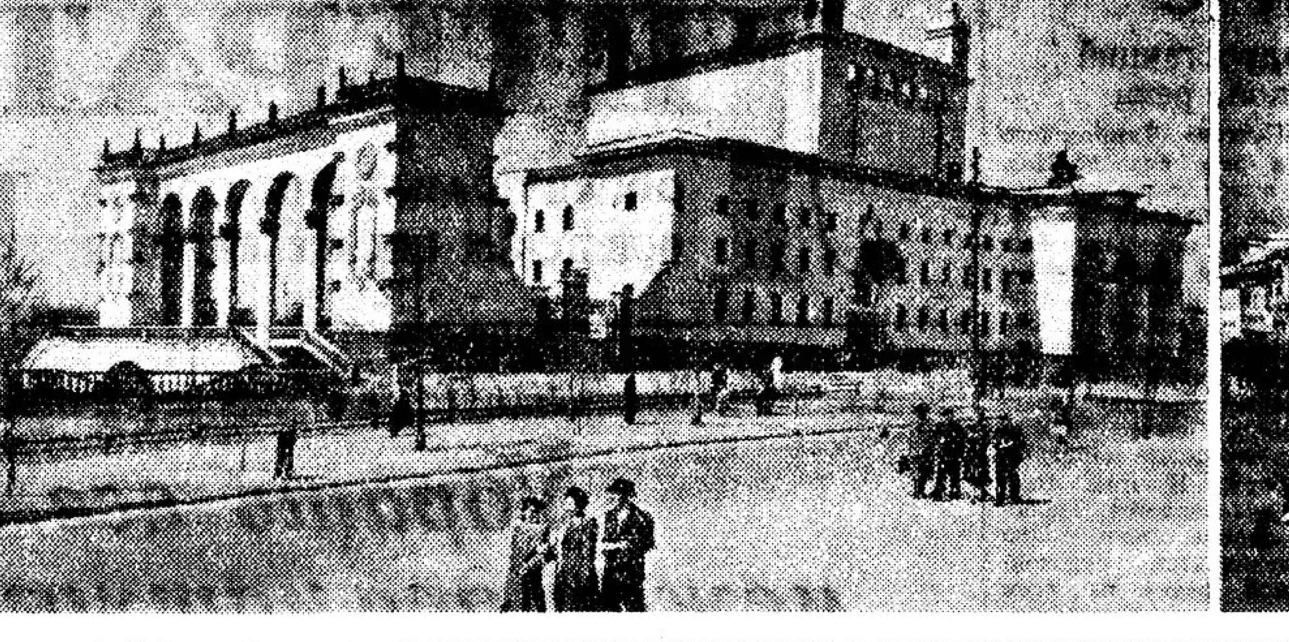
Анализируя работу только двух пароходов — «Колхозник» и «Севастополь», я подсчитал, что из-за формального планирования эти суда потеряли на непроизводительных простоях в 1951 году свыше 30 процентов эксплуатационного времени, а в 1952 году — свыше 20 процентов. Такое же примерно положение и с другими судами нашего пароходства.

А ведь за счет времени, потерянного на простоях в портах, моряки могли бы доставить народному хозяйству сотни тысяч тонн грузов! Мы надеемся, что Министерство морского и речного флота СССР поможет совершенствовать методы движения флота по стахановскому графику и поднимет пропускную способность морских портов.

Н. РОДНИЧЕНКО,
первый помощник капитана парохода «Севастополь»

ЛЕНИНГРАД

Внизу, на улицах и площадях, как обычно, спешат по делам люди, проносится поток машин, а в самом верхнем этаже города беспрестанно сходятся и расходятся стрелы огромных башенных кранов, поднимающих то контейнер с кирпичом, то железобетонные перекрытия, то мраморные плиты для облицовки... Идет стройка! В любом городе нашей страны, в каждом промышленном районе растут дома, школы, клубы, театры. За пятилетие, согласно плану, только в городах и рабочих поселках по линии государственного строительства будет сдано в эксплуатацию 105 миллионов новой жилой площади. Миллионы домов строятся в деревнях и селах.

На снимках: 1. В Улан-Удэ. Здание нового театра оперы и балета в Бурят-Монгольской АССР. 2. В Минске. Жилые дома на проспекте имени Сталина — одна из сотен послевоенных новостроек столицы Белоруссии.

Фото М. МИНКЕВИЧА и М. МИНЕЕВА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПИСЬМО ИЗ БУКАЧАЧИ»

Секретарь Чернышевского райкома КПСС Читинской области тов. И. Антохин сообщил редакции, что большинство фактов, изложенных в «Письме из Букачачи» и в примечании к нему от редакции («Литературная газета», № 26 от 28 февраля), полностью подтвердилось. Состоялось общерудничное партийное собрание рудника Букачача с участием работников райкома КПСС. На собрании обсуждалось и выступление «Литературной газеты». Собрание прошло в обстановке острой критики и самокритики, намечены конкретные меры для ликвидации недостатков в организации работы шахт и быта шахтеров.

В настоящее время наводится порядок в нормировании и организации труда, оборудованы еще два образцовых общежития-интерната, в которых созданы необходимые бытовые удобства и условия для культурного отдыха молодых горняков. В ближайшем будущем все общежития будут переведены на систему интернатов. Работа художественной самодеятельности во Дворце культуры улучшилась.

За грубость в обращении с подчиненными и плохую работу сняты с занимаемых должностей: начальник шахты № 1 тов. Лебедев, инженер по организации труда и нормированию рудоуправления тов. Служаев, зам. управляющего рудоуправлением по кадрам тов. Петрашкевич, директор Дворца культуры тов. Эдильштейн. Серьезное предупреждение получил управляющий рудоуправлением тов. Герман. На одной из шахт рудника избраны новые руководители партийной и профсоюзной организаций.

Районные организации, сообщил в заключение тов. Антохин, приняли и ряд других мер для устранения недостатков на руднике Букачача.

* * *

В «Литературной газете» (№ 49 от 23 апреля) при изложении письма в редакцию заместителя министра угольной промышленности тов. А. Задемидко о мерах, принятых министерством по «Письму из Букачачи», была допущена неточность в части, касающейся строительства больницы. Приводим полностью это место из письма в редакцию тов. Задемидко:

«В целях улучшения бытовых условий трудящихся Букачачинского рудоуправления предусмотрено в 1953 году построить 1000 квадратных метров жилой площади, теплицу для выращивания овощей, а также выполнить проект привязки строительства больницы на 110 коек и закончить работу по изысканию источников водоснабжения для последующего включения их в план капитальных работ».

Что касается магазинов, павильонов и киосков, то они уже выстроены, а не будут строиться, как сообщалось нами в заметке.

Аля Петунина, главный оператор

Житомир сияет под ослепительным весенним солнцем. Он приукрасился к лету, и только возле некоторых, еще не побеленных, домов маляры работают в «люльках» или вымахивают щетками, стоя на высоких козлах. Внизу под ними пробегают грузные автобусы на Львов, Проскуров, Бердичев, Винницу и в другую сторону — на Киев.

Конечно, на улицах много школьников, и когда я спросил, как пройти к областной детской технической станции, меня вызвалось проводить туда несколько ребят. Чуть позже я уже знал, почему она так популярна в Житомире. Нет тут ни одной школы, где не побывали бы члены кинокружка ДТС со своим узкопленочным аппаратом и лентами, где бы они не показывали кино. Более ста сеансов было дано в школах. Проекционный аппарат ребята сделали сами — сначала из дерева с жестью, а потом уже настоящий, металлический.

Ребята, которые идут со мной, рассказывают, перебивая друг друга. Паренек, наверное, из шестого класса, сообщает:

— Они у нас картины крутили. Кинокружковцы. Бесплатно. Здорово интересно!

— Звуковые?

— Ну конечно! Они сами и звуковой аппарат сделали. У меня там брат работает. Он все знает! Они сделали радиолу. И с таким приспособлением, что само пластинки меняет. А сейчас телевизор строят. В Житомире ведь можно смотреть Киев...

— Да это что...—перебил его щупленький застенчивый пионер.— Они сами картины снимают. Показывали нам в школе первомайскую демонстрацию в нашем городе. Мы наш класс там видели. Они сняли, когда мы проходили мимо трибуны.

— А у нас они стереокино показывали. Тоже сами снимают. Такой специальный аппарат сделали... А перед сеансом девочка из этого кружка объясняла, что такое стереокино.

— А ты почему не работаешь в каком-нибудь кружке? — спросил я у мальчика.

Он замялся и, наклонив голову, наверно, чтобы не смотреть мне в глаза, ответил:

— Я работаю в студии, в художественной...

— Он у нас рисует, как настоящий... Стенную газету распишет — так все школы завидуют, честное пионерское!.. А на технической станции есть еще мотоциклетный кружок,— неожиданно добавил его друг.— На демонстрации они на своих мотоциклах катят...

Таким образом, еще не дойдя до технической станции, я уже получил о ней обширную информацию. Все, что рассказали ребята,—сущая правда. Но особенно заинтересовало меня стереокино. Когда еще в Киеве мне рассказывали, что в Житомире школьники смотрят стереокартины, да еще сами их и снимают, я не совсем этому поверил. Но потом, когда познакомился с юными творцами стереокино, я убедился, как замечательно работает творческая мысль у наших ребят. Ведь сам по себе этот факт может удивить каждого: стереокино можно посмотреть только в Москве и в Житомире. Но в Москве есть научно-исследовательский кинофотоинститут. А житомирские ребята сами сделали интересное открытие, о котором и стоит рассказать подробнее.

...Во всех комнатах станции шла напряженная работа. Кораблестроители и авиамоделисты, наклонившись над столами, строгали, клеили, что-то вырезывали из тонких листов фанеры. Лица у всех сосредоточенные, в комнате тишина. Вот один из хлопцев задумался, держа в руках какую-то деталь... Мотоциклисты шумно возились и спорили во дворе, а кинематографисты и радиолюбители, занятые «строительством» проекционного аппарата и телевизора, паяли, по очереди работали на станке, дрелью просверливали дырки в металле, нарезали резьбы, наматывали витки провода — ведь все до последнего винтика должно быть сделано собственными руками!

Инструктор кино-фотокружка, бывший учитель физики, седой человек с молодыми глазами — А. Соколовский познакомил меня с кружковцами.

— А вот это Аля, наш главный оператор и, если хотите, теоретик стереокино,— говорит он, серьезно глядя на девочку.— У нас еще есть операторы, но Аля — главный. Все, что мы вам сейчас покажем, заснято или ею самой, или при ее непосредственном участии. А этим летом Аля будет снимать уже большую игровую картину на 600 метров — о пионерском лагере. Сценарий пишут школьницы Женя Павлова и Майя Фрегер. Снимать мы можем только на воздухе, для павильонных съемок у нас еще нет аппаратуры...

Сероглазая, скромная Аля рассказала мне о работе над стереофильмами. Надо сказать, что дело это очень сложное, и я не буду углубляться в теорию, с которой она меня познакомила. Скажу только, среди всех расчетов и вычислений ребята не без гордости обратили особое внимание на одну формулу:

— А вот эта так и называется: «формула Али».

До сих пор считалось, что фотостереофильмы можно снимать лишь на широкую пленку, а житомирские ребята снимают их на узкую пленку, и у них прекрасно получаются стереокадры или, как их называют, «пары». На каждом кадрике должны поместиться рядышком два снимка. Вот почему нужно было все это теоретически осмыслить и вывести новые формулы, кроме тех, которые принадлежат изобретателю стереокино — лауреату Сталинской премии С. Иванову. И ребята сделали это для серых и для цветных стереофильмов. Я смотрел их экспериментальные цветные кадры. Они сняты довольно удачно. А затем Аля Петунина рассказала мне, что сейчас они совершенствуют свой аппарат, чтобы к лету, когда будут снимать большой стереофильм, аппарат был в полной готовности.

Я видел тут и сделанный ребятами растроэкран, на раму которого натянуто около тысячи тонких проволочек. Ведь только в Советском Союзе стереофильм смотрят, как обычный фильм, а в других странах для этого нужно надевать на глаза специальные очки.

Когда житомирская детская техническая станция прислала в Москву свои «стереопары», там удивились. Особенно изумлен был сам изобретатель С. Иванов. Ведь он недавно писал в своей брошюре «О цветной стереоскопической фотографии»: «...Кадрики размером 10×11 мм так мелки, что хорошего изображения показать невозможно». А житомирские школьники решили эту задачу, и снятое ими на узкую пленку изображение получается на экране четким, резким!

Сейчас идет оживленная переписка технической станции с С. Ивановым. Изобретатель в своих письмах дает ребятам советы, поддерживает их. Я читал эти письма. С. Иванов добился, чтобы житомирские школьники получили очень дорогой растроэкран новой конструкции, усовершенствованный научно-исследовательским кинофотоинститутом. Сам он прислал им в подарок двойное зеркало для стереосъемок, чтобы им не нужно было заливать такое зеркало примитивным способом, от чего оно быстро желтело.

Аля Петунина показала мне доклад, с которым она выступает перед школьниками, когда демонстрируются стереофильмы. Это серьезная работа о технике стереофотографии и стереокино. Недаром девочка мечтает поехать учиться в Ленинградский институт киноинженеров... Она говорит о том, какое огромное значение имеет стереофотография и кинематография, в особенности на узкой пленке, когда стереофильмы можно будет смотреть в любом уголке страны. А какое значение имеет это для школ и вузов!

«Гербарии, на которые тратится так много сил, будут жалким архаизмом и варварством, уничтожающим форму и цвет природных изумительных растений. С помощью цветной стереофотографии удастся запечатлеть навеки даже перлы росинок, играющих всеми цветами радуги в лучах восходящего солнца... А что принесет с собой цветная микростереофотография? Какое это будет оружие в недалеком будущем в технической пропаганде, сельском хозяйстве, в учебе, искусстве...»

Вот что говорит в своем докладе эта русая житомирская школьница, которая вместе со своими товарищами впервые в Советском Союзе осуществила стереосъемку на узкой пленке.

Вдохновенно, по-настоящему творчески работают наши дети в многочисленных технических кружках. Как приятно им помогать! Как приятно видеть, что это делает вся наша страна, все советские люди.

Ал. КОПЫЛЕНКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЖИТОМИР

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Новый инструмент.** В Министерстве культуры Украинской ССР недавно демонстрировался необычный музыкальный инструмент. Внешне он напоминает украинскую бандуру, но с длинным рядом клавишей, подобно роялю. Удары по ним вызывают нежные звуки, как у обычной щипковой бандуры. Это — клавиатурная бандура, которую создал житель села Хмелевое, Кировоградской области, И. Гладилин. Она получила высокую оценку видных деятелей музыкального искусства.

* **Русско-лакский словарь.** В издательстве Дагестанского филиала Академии наук СССР вышел из печати русско-лакский словарь. В нем — 34 тысячи слов.

* **Национальные оперы и балеты.** Казахский академический театр оперы и балета имени Абая показал новую оперу «Дударай» Е. Брусиловского по либретто А. Хангельдина. Опера повествует о борьбе казахской бедноты против баев и царского самодержавия, об исторической дружбе русского и казахского народов. В Таллине в Государственном академическом театре оперы и балета «Эстония» состоялась премьера первого эстонского балета «Калевипоэг». Музыку балета написал Э. Капп.

* **Фильмы, посвященные великим русским писателям.** В ленинградском кинотеатре «Нева» с успехом прошел показ фильмов, посвященных великим русским писателям. Демонстрировались картины, знакомящие с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. М. Горького, а также художественные фильмы на сюжеты произведений великих русских писателей: «Путешествие в «Арзрум», «Черевички», «Без вины виноватые», «В людях».

ФЕЛЬЕТОН

Получив комнату...

Георгий Иванович Барбашев, наладчик на московском заводе малолитражных автомобилей, и инженер-плановик 1-го Государственного подшипникового завода Тамара Николаевна Маева не так давно поженились. С этим их, безусловно, следует поздравить.

Вскоре после этого счастливого события молодожены получили новую комнату. Нужно поздравить их и с этим.

Радостно взволнованные новоселы решили немедленно заново обставить свою новую комнату. Вот с этим поздравлять их было бы преждевременно и бестактно.

Барбашевы с полным основанием могли бы истолковать такое поздравление, как насмешку, ибо именно их решение приобрести новую мебель значительно омрачило им непосредственную радость новоселья.

В первый раз по дороге в мебельный магазин они еще лелеяли мечту о маленьком удобном гарнитуре, который еще больше украсил бы их уютную комнату. В этом гарнитуре должно было быть, по их мысли, все необходимое, но ничего лишнего. Конечно, стол, стулья, буфет, платяной шкаф, книжные полки, тахта или кровать в нем будут обязательно. Но все это будет небольшого размера, единого стиля и, хочется верить, не очень дорогое. Ведь они только начинают свою семейную жизнь, и трудно было бы сразу нести очень большие расходы. В крайнем случае, кое-что можно будет прикупить и в дальнейшем, конечно, того же стиля и качества.

Мысленно завершая расстановку воображаемой мебели в своей комнате, они подошли к вполне реальному мебельному магазину на площади Маяковского — к магазину № 20 «Мосмебельторга».

Возле магазина, откинув борта, стояли грузовики. С одних сгружали аккуратно упакованные в рифленый картон огромные шкафы с надписями «Осторожно, стекло» и «Не бросать», на другие ставили уже купленные столы и буфеты, ослепительно сверкавшие на солнце своими лакированными боками.

Наши новоселы многозначительно переглянулись. Их мечта, казалось им, была близка к осуществлению. И в самом магазине в первые минуты у них разбежались глаза — столько было кругом гарнитуров, так весело играли солнечные зайчики на стеклах буфетов и полированных столах.

Когда же, наконец, разбегающиеся глаза вернулись к исполнению своих обязанностей и остановились на аккуратных табличках с ценами и названиями, настроение новоселов несколько понизилось. Таблички гласили, во-первых, что все эти гарнитуры отнюдь не универсальные, а рассчитанные на целую квартиру — каждому из них нужна была отдельная комната: спальня, кабинет или столовая. Во-вторых, многие таблички сообщали о ценах, вызывающих легкую оторопь.

— У нас есть гарнитуры и подешевле,— вежливо сказал продавец, заметив замешательство покупателей, — вон хорошая спаленка на 3325 рублей...

Спаленка, действительно, оказалась вполне приличной. Но Барбашевы резонно рассудили, что, если они купят такой гарнитур, им придется обедать на трельяже, а если они даже и подберут недорогой столовый гарнитурчик, им придется спать на столе. Своими сомнениями они поделились с продавцом и спросили:

— А не найдется ли у вас на такую цену набора мебели для однокомнатной квартиры?..

— Таких наборов не бывает,— сказал продавец и не очень уверенно посоветовал: — Попробуйте подобрать себе обстановку из отдельных вещей... Вот хотя бы шкафчик посмотрите... — сказал он, стыдливо отводя глаза.

Барбашевы обернулись к зеркальному шкафу, перед которым стояла женщина с ребенком. Мальчик приседал перед зеркалом, надувал щеки и заливисто смеялся.

— Мама, мама! — восторженно кричал он на весь магазин.— Смотри, совсем как в Парке культуры! Помнишь — в комнате смеха?

Смущенная мать с трудом оторвала разгулявшегося ребенка от бесплатного мебельного аттракциона, и Барбашевы смогли подойти к шкафу. Едва взглянув в его волнистое зеркало, искажающее облик человека, они в испуге метнулись в сторону, к стоящему рядом письменному столу.

При взгляде на этот письменный стол казенно-канцелярского образца, уродливый, нескладный и аляповатый, лица их исказились уже не в зеркале, а в натуре. С испугом и отвращением смотрели новоселы на тронутые ржавчиной шурупы и безобразные красные пластмассовые лепешки, украшающие замочные скважины.

Предупредительный продавец поспешил увести их к буфету, который оказался ничем не лучше письменного стола. Зато обеденный стол, стоящий рядом, резко выделялся тем, что был значительно хуже и письменного стола и буфета.

По мере осмотра недорогих отдельных вещей мечта новоселов быстро тускнела. Все эти вещи были, во-первых, разномастные и разностильные, во-вторых, плохие, и, в-третьих, громоздкие. Конечно, набор таких вещей поставить в комнате можно, но тогда жить в ней уже нельзя — придется уступить мебели место...

— Нет, — решили Барбашевы, — мы все-таки поищем специальный набор мебели для однокомнатной квартиры... Должен же быть такой!..

Да, конечно же, такой набор должен быть, и тем не менее его нет. В этом очень скоро убедились наивные молодожены, объездив все мебельные магазины в Москве. Ни в магазинах «Мосмебельторга», ни в Главунивермаге и его филиалах, ни в магазине № 6 «Промпотребсоюза» не нашли Барбашевы ни гарнитура на одну комнату, ни просто недорогих, но хороших одностильных отдельных вещей. Зато они стали специалистами по плохой мебели — они уже знали, что шкафы 2-й мебельной фабрики «Главмебельпрома» никуда не годятся, и говорили об этом, профессионально указывая продавцам на задиры, заколы, перекос дверок и прочие дефекты. Они знали, что Речицкий мебельный комбинат знаменит тем, что большая часть его продукции переводится магазинами в низший сорт. Вместе с директором филиала Центрального универмага они сетовали на Рижский мебельный комбинат, приславший только в одном январе 48 платяных шкафов, из которых 46 были переведены во второй сорт.

И уже не удивило их, когда в своих мебельных скитаниях они в одном из магазинов услышали несколько странный разговор молодой пары, видимо, таких же невеселых новоселов:

— Значит, так,—деловито говорил молодой человек, стоя перед спальным гарнитуром,— мы берем кабинет, Васильевы покупают спальню, а Клюевы столовую. Затем мы отдаем Клюевым диван за сервант, Клюев отдаст Васильеву 3 стула за трельяж, а Васильев берет у нас письменный стол за кровать...

— А на чем будет спать Васильев?—спросила его подруга.

— Верно! Значит, иначе: Васильев берет у нас диван и отдает Клюеву кровать, а Клюев дает нам сервант в обмен на кресло и книжный шкаф...

— А мы спим на письменном столе? Да?

— Почему на столе?

— А где? В серванте? Диван-то мы отдали!

— Погоди, не путай. Значит, тогда будет так...

Когда Барбашевы выходили из магазина, до них еще доносилось:

— Пусть Васильевы купят раскладушку и отдадут наш диван Клюеву, а мы купим табуретки и отдадим клюевское кресло в обмен на сервант...

Итак, после обхода магазинов в душах наших молодоженов и новоселов остались глубокие задиры и заколы.

И тем не менее было бы неверно утверждать, что мечта Барбашевых неосуществима, что удобный и красивый гарнитур мебели на одну комнату существует только в их воображении.

Нет, такой гарнитур реально существует. Он красив и удобен. Конструкция каждой вещи тщательно продумана. Для экономии места созданы новые образцы мебели. В этом наборе предусмотрено все необходимое: кровать, шкаф, стол, шесть стульев, буфет, письменный стол и диван.

Вы можете посмотреть этот гарнитур. Вы можете его потрогать. Вы можете вымерить его и убедиться, что он отлично разместится в вашей комнате.

Но вы не можете его купить!

Он стоит не в магазине на площади Маяковского, а в нижнем этаже шестиэтажного дома на Ново-Песчаной улице, на открывающейся вскоре постоянной выставке мебели Министерства лесной и бумажной промышленности СССР.

Этот необходимый многим новоселам хороший гарнитур спроектирован Главмебельпромом в 1950 году, выпущен в 1951 году, а сейчас, в 1953 году, еще не поступил ни в массовое производство, ни в продажу. И неизвестно когда поступит.

Странно, неправда ли? За это время в Москве выросли высотные здания, за это время закончено строительство Волго-Донского канала, а строительство мебельного гарнитура не сдвинулось с места. И, оказывается, лишь потому, что на эту мебель еще не утверждена так называемая техническая документация и не установлены розничные цены.

Не будем вдаваться во все бюрократические подробности и прослеживать детально все этапы этой волокиты, в которой участвовали и участвуют художественно-технический совет Министерства лесной и бумажной промышленности СССР, представители Академии архитектуры Союза ССР, Министерства внутренней и внешней торговли СССР, Центросоюза и Главмебельпрома.

Отметим только, что пока длится эта безобразная волокита, пока проекты обрастают пылью и визами, многие тысячи новоселов тщетно ищут в магазинах нужную им мебель.

И отметим еще одно обстоятельство. Даже в этом случае речь идет всего об одном типе гарнитура на одну комнату. А ведь таких гарнитуров должно быть много хороших и разных. И на разные цены. Понятно, что разными будут материал и обивка, но три момента вовсе не зависят от стоимости — это вопросы хорошего вкуса, высокого качества и удобства размеров.

Новоселы, получающие одну комнату, не должны становиться жертвами мебельной гигантомании. Гарнитуры должны продаваться и по частям, чтобы человек мог постепенно составить себе обстановку, но в результате имел бы гарнитур, а не музей разнотипной мебели.

Надо потребовать от мебельщиков гибкости! Конечно, имеется в виду не гибкость иных венских стульев, прогибающихся под тяжестью седока, а гибкость организационная и творческая, так сказать, гибкость в переносном смысле.

Надо, чтобы люди, производящие мебель, всегда видели перед собой не только свою продукцию — стул или кресло, но и человека, который будет на этом стуле сидеть. Ведь запросы и требования этого человека, естественно, растут с каждым днем. Он, этот человек, привык к красоте—под окнами его цеха посажены цветы, домой он едет в прекрасных вагонах метро, он покупает продукты в великолепно отделанном магазине, вечером в своем заводском Дворце культуры он видит и в зале и в фойе изящную, со вкусом сделанную новую мебель.

Почему же, приходя домой, он должен мириться с тем, что его там встречает неотесанное дитя Главмебельпрома с зеркалами, превращающими его новую комнату в комнату смеха? Право же, это смех сквозь слезы!

Мебель нужна каждому человеку, и прежде всего поэтому мы так озабочены этим вопросом.

Но не только поэтому. За этим частным вопросом стоит другой, более широкий вопрос о том, что работники и учреждения, заботящиеся непосредственно об удовлетворении материальных, культурных и эстетических потребностей советских людей, обязаны знать эти потребности и считаться с ними. Они не должны витать в облаках. Они должны подходить к своей задаче конкретно и реалистически. Они не имеют права увлекаться парадностью и отдавать весь свой пыл и энтузиазм витринно-выставочным изделиям.

Да, конечно, потребности советских людей растут изо дня в день. И эти растущие потребности необходимо удовлетворять. Но это вовсе не значит, что надо удовлетворять только повышенные требования. Ведь, облицовывая мрамором и украшая бронзой новые станции метро или расширяя и пополняя новыми машинами таксомоторный парк, мы не снимаем скромный и непритязательный трамвай в районе, где нет метрополитена. Мы должны отдавать себе отчет в том, что наряду с ростом числа владельцев автомашин и пассажиров такси у нас еще довольно долго будут и трамвайные пассажиры. И они должны тоже ездить со всеми возможными удобствами.

А есть у нас еще работники, принимающие желаемое и даже, скажем точнее, обязательно осуществимое будущее за существующее, за действительность. Не поэтому ли некоторые предприятия охотно запускают на конвейер только дорогостоящие стиральные машины и высокомерно пренебрегают тазами, ведрами и корытами? Не поэтому ли, выпуская главным образом хорошие, но еще не всем доступные сверхусовершенствованные судки для горячей пищи, они доводят дело до того, что за простыми эмалированными кастрюлями в магазинах выстраиваются очереди? И не оттого ли, что все их силы сосредоточены на изделиях из огнеупорного и небьющегося стекла, простейшие стаканы из стекла бьющегося до сих пор остаются и пузырчатыми, и уродливыми, и непрозрачными?

Таких примеров можно привести множество. Нет, мы не против хороших и сравнительно дорогих вещей. Жизнь улучшается, и на них растет спрос. Но мы и за хорошие дешевые вещи, необходимые людям, ибо и на них спрос еще очень велик.

Это имеет прямое отношение к мебели и, в частности, к пресловутым гарнитурам для одной комнаты.

Конечно, хочется видеть каждую семью обладательницей отдельной квартиры. И сейчас делается многое для этого. И с каждым днем будет делаться все больше и больше.

Именно потому, что мы знаем все это и видим реально растущее благополучие советских людей, мы все обязаны честно отдавать себе отчет в том, что пока есть еще много людей, живущих в одной комнате. Но они, эти люди, должны жить красиво и удобно.

Пока есть однокомнатные новоселы, должны быть и гарнитуры для их одной комнаты. Когда растущее жилищное строительство позволит удовлетворить большинство населения необходимой жилплощадью, тогда мы с радостью будем призывать мебельщиков думать главным образом о гарнитурах квартирных. А сейчас, сегодня, вернемся к нашим новоселам — к семье Барбашевых.

С грустью сообщаем вам, товарищи мебельщики, что в результате общения с вашей продукцией потерпевшие Барбашевы понесли убыток в 3500 рублей и вынуждены были изуродовать свою комнату вашими штучными изделиями, чем нанесли себе моральный ущерб, не поддающийся калькуляции.

Но они не требуют возмещения убытков. Они, вместе с тысячами других таких же новоселов требуют только одного: чтобы вы в своей деятельности помнили о них.

Не забывайте, что, кроме показной мебели для однокомнатной квартиры, стоящей в выставочном зале на Ново-Песчаной, есть и другой красноречивый экспонат—отнюдь не выставочный комплект сборной мебели, стоящий по адресу: Шарикоподшипниковая улица, корпус 6, квартира 309 — у семьи Барбашевых.

Пожалуйста, учитывайте этот второй адрес во всей своей дальнейшей работе!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Новые стихи

О ЛЮБВИ

Дмитрий ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

У моря

Закатным заревом расцвечен
обыкновенный летний вечер,
и слышится неторопливый
обыкновенный шум прилива,
и, как обычно, часом поздним
над миром небо стало звездным,
и, озаряя все вокруг,
явился месяц — старый друг.

И уж, конечно, под луною,
вон там, где в берег бьет волна,
всю ночь сидят, обнявшись, двое —
он и она.

Как пылко юноша влюблен!..
Она на ласки отвечает,
она луны не замечает,
и ярких звезд не видит он.
И даже мерный гул прибоя
ни ей не слышен, ни ему...
А, впрочем, может, им обоим
луна и море — ни к чему?

В глазах влюбленных — счастья свет...

А в стороне стоял поэт.

Смущенный новизной картины,
он звуки аккуратно, чинно
из вялой лиры извлекал
и думал — голову ломал:

«Что поцелуи могут значить
и небо в тысячах огней?
И какова любви задача, —
ведь должен, так или иначе,
какой-то смысл таиться в ней?
Со всех возможных точек зренья,
как расценить в стихотворенье
тот факт, что ночь напропалую
растрачена на поцелуи,
и увязать учебу, труд
со всем, что происходит тут?»

И жаркий шопот милой с милым
он превратил в отчет сухой;
любовь простую оскорбил он
высокопарною строкой.

А ночь, как сказка, длится, длится;
мигают звезды-озорницы,
роняя золото лучей...
А с молодыми сладу нету —
целуются, на зло поэту,
все горячей и горячей...

Трудясь той ночью над стихами,
зарифмовать успел поэт
и плеск волны и звездный свет,
все — кроме жаркого дыханья
двух любящих; они в ночи —
промолвить страшно — целовались!..
Все описал. Одну лишь малость —
сердцебиенье —
исключил.

Джигит

Жил джигит, говорят, на абхазской земле,
очень храбрым он был, говорят,
И красавицу-девушку в нашем селе
тот джигит полюбил, говорят.

Он искал для себя чистокровных коней,
чтоб понравиться ей, говорят.
С каждым боем, чтоб с честью предстать перед ней,
становился храбрей, говорят.

Хоть под черной черкескою сердце стучит,
от волнения воспламенясь, —
скромно, как подобает, держался джигит,
прикоснуться к любимой боясь.

Кто про эту любовь, кроме девушки, знал?
Сам джигит да один из друзей...
И о том, что любимый сражен наповал,
было попросту сказано ей.

Чуть приметно у девушки дрогнула бровь,
был в глазах ее странный покой.
Но до гроба она повторяла всё вновь
имя друга с глубокой тоской.

Говорят, что различной бывает любовь,
что бывает она и такой...

Сон

Раз юноше привиделось во сне:
поцеловал он девушку несмело.

И сам не свой ходил он месяц целый,
он целый месяц счастлив был вполне.

Когда же он впервые наяву
поцеловал подругу неумело, —
он целый год ходил счастливым, смелым,
и мужество в тот год пришло к нему.

Потом увидел юноша во сне,
что девушка его поцеловала.

Он стал еще смелее, чем сначала,
и снова год он счастлив был вполне.

Потом и это тоже явью стало
(а если так, то грех молчать о ней) —
любимая его поцеловала —
и был он счастлив до скончанья дней.
Всю жизнь он прожил, об одном мечтая —
чтоб и она счастливою была,
всегда довольна, вечно весела...

Но смог ли это сделать он — не знаю.

Чтоб она любила...

Хочешь, чтоб любила? Чтоб на свете
не мечтала больше ни о ком?

Может быть, нуждаешься в совете:
труд люби, работай с огоньком.

От любимой нежности не пряча,
уважай себя — и нас впридачу.

Смелым будь, прямым, не слишком гордым,
в дружбе — добродушным, в слове — твердым.

Пусть, слова связав с делами тесно,
ум и сердце действуют совместно.

И тогда, при внешности любой,
люди залюбуются тобой.

Вот как надо — если хочешь, чтобы,
словно сталь, была любовь крепка...

Если сомневаешься —
попробуй
выполнить советы старика.

Перевел с абхазского
Марк СОБОЛЬ

Москва, улица Грановского, 2

Завтра исполняется 110 лет со дня рождения К. А. Тимирязева.

...Узкая, как коридор в старом университетском здании, улица Грановского. Большой, внешне ничем не примечательный дом. На нем—мемориальная доска... Здесь жил и работал, здесь умер гениальный русский ученый, мыслитель и революционер К. А. Тимирязев.

Сейчас в квартире—мемориальный музей. В нем собраны книги Тимирязева и о Тимирязеве, некоторые приборы, с которыми он работал, дипломы академий и научных обществ, членом которых он состоял, многочисленные фотографии и, наконец, самое главное — личный архив ученого.

Центр маленького музея—кабинет. Здесь все сохранено, как было при жизни К. А. Тимирязева, и потому скромная комната пронизана волнующей атмосферой непрестанного, до самых последних дней прекрасной жизни самозабвенного труда, горения во славу Родины и русской науки.

На старинном письменном столе — рукопись одной из самых замечательных книг в истории русского и мирового естествознания — «Солнце, жизнь и хлорофилл», в которую вошли работы многих лет. Над редактированием рукописи этой книги Климент Аркадьевич работал до последних дней жизни.

Напротив стола—книжная полка: богатейшее собрание русских и иностранных трудов по фотосинтезу, книги по ботанике, биологии, истории естествознания. На другой — философские и общественно-политические труды.

Для исследователей жизни и творчества К. А. Тимирязева большой интерес представляют многочисленные пометки ученого на полях книг. Они не только позволяют судить о том, как относился Тимирязев к реакционным теориям в области естествознания и философии, но и дают почувствовать его неукротимый темперамент ученого-борца, страстного пропагандиста материализма.

Когда Тимирязеву попадается в руки статья одного из «апостолов» вейсманизма Бэтсона, в которой тот утверждает, что природа—неприступная скала, Тимирязев гневно пишет на ее полях: «Вот скотина-то».

«Берклеевщина и ничем не доказанный вздор»,—такой пометкой сопровождает Тимирязев утверждение итальянского математика Энрикеса, что в объективном познании должен содержаться субъективный элемент.

Не менее интересны записные книжки Тимирязева, хранящиеся в музее. Вот одна из записей: «Дарвин и Маркс как знатоки жизни понимали, что в начале было не слово, а бытие, породившее и слово и мысль».

То, как систематизированы книги в шкафах и папки с карточками выписок на специальных полках, то, как подобраны справочные издания, — все это говорит, с какой увлеченностью, с какой любовью к труду, труду упорному, точному, организованному, работал хозяин кабинета.

Портрет Тургенева с надписью «К. А. Тимирязеву от автора «Отцов и детей», надписи на книгах, подаренных Тимирязеву русскими писателями, картина А. М. Васнецова, изображающая подмосковную лабораторию Тимирязева, дружеское письмо Короленко и другие документальные материалы, хранящиеся в музее, — живое свидетельство связей ученого с выдающимися деятелями отечественной литературы и искусства.

Климент Аркадьевич был большим ценителем и знатоком литературы и сам обнаружил в своих научных сочинениях великолепный дар точного, весомого, образного слова. Это известно и отмечено всеми биографами. Но когда работники музея бережно достают из несгораемого шкафа рукопись, по которой видно, как упорно и увлеченно переводил Тимирязев гетевского «Фауста», или когда среди важных выписок, лежащих на столе в коробке с надписью «Чтобы не забыть», показывают стихотворные цитаты, — многогранность ученого становится особенно ощутимой и потому особенно дорогой.

И сейчас совсем по-особому звучат бессмертные слова К. А. Тимирязева, написанные им здесь, за этим столом: «Только наука и демократия, знание и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании, тесный союз, осененные общим красным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества».

Музей — не просто хранилище материалов. В маленьком музее ведется немалая научная работа. Сюда обращаются за помощью историки естествознания и философы. Здесь работают диссертанты, сюда приходят студенты-дипломники. Во многих научных трудах, которые уже вышли в свет или подготовляются к выходу, все чаще и чаще появляется сноска: «По материалам музея К. А. Тимирязева». Музей консультирует издательства, готовящие новые издания трудов К. А. Тимирязева, художников, работающих над его портретами.

Работники музея, энтузиасты своего дела Е. В. Полосатова, М. Ф. Захарян и И. П. Тюфаева готовят коллективный научный труд «К. А. Тимирязев в документах жизни и творчества. Материалы к научной биографии».

Вскоре после сессии ВАСХНИЛ 1948 года в кинотеатре «Наука и знание» была развернута памятная москвичам выставка, показывающая Тимирязева как прямого предшественника мичуринской биологии. В последнее время музей, находящийся в ведении Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, по ряду причин не имеет возможности устраивать такие выставки. А жаль... Научно-познавательное и пропагандистское значение их велико.

И еще одна мысль приходит в голову, когда перед тем, как уйти из квартиры, молча постоишь несколько минут на пороге кабинета: есть научные труды о Тимирязеве и популярные биографии, есть «Депутат Балтики», навеянный историей его последних лет, есть радиокомпозиция о нем, и все-таки его жизнь, его научная и общественная деятельность представляют богатейший материал для литераторов, далеко не исчерпанный ими. Жизнь гениального русского ученого может и должна стать темой новых книг, и прежде всего книг для юношества.

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ

ПОЭТ И ЕГО ТЕМА

В. ПЕРЦОВ

Выход в свет новой книги поэта известного, зрелого всегда воспринимаешь, как новый этап на его творческом пути. Невольно сравниваешь новую книгу с тем, что сделано поэтом раньше. Хочется увидеть новое в его творческом движении, понять направление его и возможности. Эти вопросы встали передо мной при чтении не так давно вышедшей книги Николая Грибачева «После грозы». Она составлена из стихов — впечатлений от путешествия, от дальних поездок по СССР. Кавказ, Сибирь, Урал дали поэту материал для новых стихов. Встречи с новыми людьми, яркое многообразие быта и пейзажа разных краев родной земли послужили основой для поэтического замысла — выражения идей советского патриотизма и дружбы народов, которыми пронизана вся книга.

В какой мере удалось Грибачеву поэтически воплотить этот благородный замысел? К сожалению, далеко не в той мере, как он этого хотел. И что самое огорчительное — в новой книге возродились те недостатки творчества Н. Грибачева, на которые ему указывали давно и которые ему удалось преодолеть в наиболее значительном своем произведении — поэме «Весна в «Победе». Идея дружбы народов, которая должна была стать поэтическим пафосом новых стихов поэта, в силу недостатков художественного воплощения не обрела той действенности, к которой стремился автор.

Белинский писал, что «идея... понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности».

Серьезным художественным недостатком Грибачева является то, что он переимчив, чувствителен к воздействию чужой формы, не всегда перерабатывает ее по законам своей художественной индивидуальности и переносит нередко в свои стихи элементы чужой образности и чужую интонацию. Он подхватывает то одну, то другую интонацию—чаще всего поэтов-современников,— а иногда и классиков, но последнее не улучшает положения, поскольку традиции классиков только тогда становятся источником роста современного поэта, когда он усваивает их творчески.

Подверженность разным влияниям в области формы и срывы в мастерстве мешают Грибачеву закрепиться в его новой книге на тех позициях, которые он завоевал в своей лучшей поэме, и пойти дальше.

Что же хорошо в книге «После грозы» и что плохо? Среди новых стихов Н. Грибачева привлекает, например, «Перевал». Мысль о том, что «в мире силы нет такой, чтоб нас в дороге задержала, чтоб наш могла порушить строй!», естественно вырастает из картины преодоленной трудности опасного подъема и перехода через горный перевал группы смельчаков. Это не просто сравнение. Образы «подъема», «перевала» в нашем сознании — прежде всего социальные образы нашей борьбы с трудностями в достижении цели — коммунизма. В стихотворении Грибачева эти образы сначала восстанавливаются в своем первоначальном значении, как образы природы при описании восхождения на вершину. А потом переходят в другое — социальное значение. Это способствует цельности, слитности образа.

Необъятна наша страна, и такие, например, стихи, как «К Тихому океану», много говорят нашему патриотическому чувству. Это стихотворение заставляет вспомнить чудесное ленинское восклицание: «...Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский». Поэт выразительно развертывает дальность пути и смену просторов страны за окном вагона до встречи с городом, который «всю страну собой прикрыл»:

Так, здравствуй, город-часовой
Над синевой морской!
Прими поклон сыновний мой,
Привет солдатский мой.

Я родичей не позабыл,
Я русский, правнук тех,
Кто с Ермаком бок о бок был
В его походах всех...

Это стихотворение стало бы еще лучше, если бы не было затянуто.

Неожиданный пейзаж встречает читателя в стихотворении «Каска» из большого цикла стихов о Кавказе. Это, на мой взгляд, лучшее стихотворение в сборнике. Вот оно целиком:

На камне заметная еле,
Утратив воинственный вид,
В глубоком кавказском ущелье
Фашистская каска лежит.

Края ее ржавчина съела,
Осколком проломлено дно,
И серая каска истлела
С паучьим значком заодно.

А где-то, такой же окраски,
Хотя и под флагом иным,
Готовятся новые каски
И новые головы к ним.

Но пусть Аденауэр помнит,
Равняя к походу ряды:
Чтоб это ущелье заполнить,
У Рура не хватит руды!

«Каска» — стихотворение остро современное, политическое, сатирическое, но в основе его лежит образ величия природы Кавказа. Чувствуешь грандиозность и глубину ущелья (каска — «заметная еле», заполнить его — «у Рура не хватит руды»). С помощью пейзажа поэт передает идею силы нашего народа. Любопытно, что созданию образа Кавказа помогает ритм, воспроизводящий ритм лермонтовских стихотворений о Кавказе (например, «Тамара»).

Можно выделить еще несколько стихотворений, например, «В дороге», «Привет Баку!», которое волнует чувством единства личного и общего в разговоре поэта с городом, и «На севере», где с большой нежностью, как о ребенке, рассказано о судьбе лимонного ростка, привезенного из солнечной Грузии в далекий полярный порт:

Но, знать, теплом сердец людских
Согрет и ободрен,
Стал робко жить в краях чужих,
Стал привыкать лимон...

В стихотворении «У Риони» проблескивают поэтические краски нового, индустриального кавказского пейзажа. В сумерках «Кутаисский синеет завод» —

Перед фарами «зисов»,
Что выходят в поля из ворот,
По кустарникам сизым
Свет ручьями течет и течет.

Интересно задумано стихотворение «Индийский гость», утверждающее идею интернационализма. Здесь — сильная строфа:

И в ряд с колхозниками — гости
Из той страны,
Где люди только на погосте
В правах равны...

Приведенными выше примерами, на мой взгляд, пожалуй, и будет исчерпано то лучшее поэтическое, что содержится в новой книге стихов Н. Грибачева. Из отмеченных мной стихов возникает образ большой, смелой страны, уверенно глядящей в будущее. С тех страниц книги, где напечатаны они, встает и образ свободного, смелого человека, заработавшего себе право жить в полную силу жизни. В других стихах — живые строфы, талантливые образы, но почти каждому из этих стихотворений не хватает цельности, единства мысли и ее художественного выражения, и, может быть, поэтому, прочитав их однажды, к ним не хочется возвращаться.

В этих стихах у поэта нет своего активного отношения к теме, которую он хотел воплотить. В особенности это ясно видно в цикле стихов о Кавказе, составляющем бо́льшую часть новой книги Н. Грибачева. Самым «кавказским» оказалось процитированное выше стихотворение «Каска». Уже сказано, что поэт сумел раскрыть свое остро современное ви́дение реального кавказского пейзажа наших дней отчасти благодаря тому, что он использовал лермонтовскую интонацию и, оттолкнувшись от нее, усилил сатирическое звучание стиха. Почему лермонтовская интонация послужила ему, в данном случае по контрасту, изобразительным средством? Потому что за лермонтовской интонацией стояла лермонтовская тема Кавказа. Для Лермонтова Кавказ был «суровый край свободы», страна вольности — в этом была романтическая тема Кавказа, противопоставлявшая его крепостнической России — «стране рабов, стране господ».

В советской поэзии встречи русских поэтов с Кавказом всегда отражались в их творчестве появлением произведений о дружбе народов. У Маяковского эта идея представала в прославлении черт нового, в пафосе изменения и обогащения черт национального характера:

Да,
я грузин,
но не старенькой нации,
забитой
в ущелие в это.
Я —
равный товарищ
одной Федерации
грядущего мира Советов.

У Николая Тихонова в его «Стихах о Кахетии» выдвигается на первый план другая сторона — восторг перед красотой традиций грузинской культуры и быта, которыми пленен и восхищен русский поэт, создавший превосходную картину «Ночного праздника в Алла-Верды».

У этих поэтов идея дружбы народов «проведена» через художественную индивидуальность, получила отпечаток личности поэта, т. е. стала поэтической темой, которую мы условно называем здесь «темой Кавказа». Вообще нужно сказать, что поэтическая тема много сложнее и тоньше, чем это можно сформулировать в анализе.

Во многих стихах Н. Грибачева о Кавказе нет личного отношения к теме Кавказа — в этом их главная беда. Когда читаешь эти стихи, то кажется, что поэт думал: о чем бы такое написать, что приличествует этой возвышенной теме? И он затронул в своих стихах важные вопросы, высказал хорошие мысли о дружбе народов. Но это слишком общие вопросы и общие мысли, а вот тех образов Кавказа, которые только и могут родиться у поэта со своей поэтической темой, в стихах Грибачева мы почти не найдем.

Нельзя, например, отделаться от ощущения натяжки в стихотворении «Выстрел». Услышав прогремевший в долине выстрел, поэт выражает уверенность в том, что это не выстрел вражды. Но вспомнив об адате и заговорив о сталинской «Брдзоле», поэт завершает стихотворение образами легковесными и идиллическими. «Глупый выстрел» — так определяет поэт выстрел былой вражды. Едва ли этот эпитет передает всю тяжесть зла, от которого избавлены народы Советского Союза. Едва ли образ охоты в концовке стихотворения, который объясняет происхождение выстрела, не уводит в сторону от основной темы стихотворения.

Когда общая идея не стала для поэта его поэтической темой, подвертываются неточные образы, идут не те слова, т. е. очень страдает форма.

Со стрелой, застрявшей в шее,
Чей-то внук и чей-то сын,
Осетин летел в ущелье,
Падал юноша-грузин.

В другом стихотворении, сравнив Эльбрус с высотным домом в Москве, поэт осовременивает кавказский пейзаж. Это принимается. Но почему крайне неопределенное описание «дымки, тающей не вдруг», и других зрительных эффектов приводит к сравнению с нашим будущим — непонятно:

Скрывая мелкие детали
За дымкой, тающей не вдруг,
Он отсветы стекла и стали
Уже кладет на все вокруг,

И, что минута, блещет краше,
И, впрямь прекрасный без прикрас,
Он чем-то будущее наше
Напоминает в этот час!

Книжность этого образа Эльбруса (и нашего будущего) выдает, между прочим, выражение «прекрасный без прикрас» из известного пастернаковского перевода стихотворения Николая Бараташвили «Цвет небесный, синий цвет»:

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.

Это заимствование, конечно, невольное, но не случайное. Оно подготовлено уже началом стихотворения, воспроизводящим не только интонацию, но и образность Пастернака, его сравнения, с их не идущей к теме подчеркнуто обывательской обиходностью.

Еще предгорий нет в помине,
Еще Кавказ за далью скрыт,
Еще, как в пуховой перине,
В кубанском хлопке утро спит...

Голос Николая Грибачева вообще часто заглушают в его сборнике случайные интонации — то из Тихонова (например, «В Гори»), то из Багрицкого:

И снится мне уже давно
Один и тот же сон:
Сазан ныряет к нам в окно,
Как будто птица он...

У Багрицкого было:

И все навыворот.
Все как не надо.
Стучал сазан в оконное стекло...

Книжны и образы стихотворений «С вершин Кавказа» и «Кавказ высокогорный», в которых высокое положение лирического героя над уровнем моря тянет соответствующие метафоры о том, что «с высоты видать далече». Метафоры опровергаются тем, что в этих стихах, хотя они написаны на столь «высоком уровне», видно только то, что ближе всего. И это ничуть не удивительно при тех отношениях, которые создались или, вернее, не создались у автора с его темой. Она еще не «зародилась в опыте автора», не «подсказывается ему жизнью», не «гнездится во вместилище его впечатлений» — вот в каких выражениях А. М. Горький определял интимную роль темы в творческой жизни художника.

Николай Грибачев, искренно восхищенный тем новым, что сделано в нашей стране для социалистического преобразования родной земли, ее самых глухих, прежде диких уголков, хочет все это описать. Но он только называет. Чудеса прячутся от него. Новое чувствует себя неуютно в его стихе, потому что оно не обжито автором, не «гнездится» во вместилище его впечатлений, а лежит на поверхности. Восхищаясь красотой гор Кавказа, поэт почему-то считает нужным заявить, что он не чувствует вины за то,

Что в наши будничные планы
Они пока не включены.

Конечно, никому бы не пришло в голову упрекнуть поэта за то, что он глубоко чувствует красоту природы (а не только красоту преобразования природы человеком), но, желая во что бы то ни стало подчеркнуть свое восприятие нового, он бросается в противоположную крайность, отводя Кавказу роль только пейзажную:

Пускай стоит, знакомый с детства,
Для украшения земли.

Это можно было бы воспринять, как шутку, если бы не концовка стихотворения с уже отмеченной «философской» метафорой:

А сверх того пускай при встрече
И намекнет кому-нибудь,
Что с высоты видать далече,
Но путь к вершинам — трудный путь!

Литературщина губит многие образы этой книги. Трудно понять смысл сочувствия лирического героя одинокой судьбе Казбека, который —

...спит, воспетый, гордый, старый,
В беде и радости один...

и ему снятся «новых сел сиянье» и «в недрах шахт комбайнов ход». Попробуйте конкретно представить себе (а без этого нет художественного образа) то, что хочет сказать автор в следующей строфе:

И смутно хочется Казбеку,
Стряхнув снегов своих броню,
Сойти, как к брату, к человеку,
К его веселью и огню.

Как это Казбеку сойти с Казбека? Да и все стихотворение с его темой «одиночества» Казбека не может не показаться надуманным.

А разве не производят впечатления натянутых такие, например, сравнения и обороты речи: «броневик, поджарый, как волчица», или: «Как на свое гнездовье птица, в луга и рощи за селом зима наискосок (?) садится, черкнув сияющим крылом», или: «Приехал на своей машине Герой Труда, на пиджаке по той причине горит Звезда», и еще: «Моя любовь, как та река, к твоей любви спешит, как к морю». Однако же море принимает в себя много рек, какая же цена «твоей любви» в этом сравнении? И вслед за этим совершенно загадочная строфа:

Пускай, сама не зная бед,
Обид и зависти не зная,
Несет друзьям свой добрый свет,
Любви друзей сестра родная!

Можно привести еще немало примеров строк и строф невыразительных, незапоминающихся, трудно понимаемых. Но и те, что приведены, говорят о серьезном снижении уровня поэтического мастерства в книге «После грозы». Большая идея, вдохновлявшая автора книги, не нашла в большинстве стихов достойного художественного выражения. Почему это произошло?

Поэзия начинается там, где есть тенденция. Она начинается с отношения поэта к теме. Николай Грибачев, автор талантливой поэмы «Весна в «Победе», по-своему решил одну из традиционных тем советской классики, разработке которой положил начало Маяковский в своем знаменитом «Товарищу Нетте—пароходу и человеку». Это тема бессмертия нашего дела. Вспоминая, как «на заре в «Победе» умер Зернов, парторг» и «как в день грядущий, Зерновский летел большак», я не могу не видеть, что в этой поэме по-новому продолжается могучая традиция —

чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Едва ли правильно ограничивать идейное значение «Весны в «Победе» колхозной темой на том основании, что действие поэмы происходит в деревне.

...есть обязанность у нас,
что всех известных потрудней, —
гранить
сознание людей,
чтоб засверкало, как алмаз,
величьем ленинских идей.
И этот труд — сложнее всех,
бессонный цех...
горячий цех!..

Эти строки идут из самого сердца, из самой натуры поэта, пользуясь выражением Белинского. И, казалось бы, мысль в них знакомая, общая, а в этом образе она целиком своя, вот только что представшая для нас в словах поэта. Выразителен мятежный образ героя поэмы, неукротимый дух которого сражается со смертью и побеждает ее в «долгих делах».

Попробуйте оторвать от этой темы и образа героя яркий весенний пейзаж, проходящий через всю поэму, и вы увидите, что это невозможно, не нарушив целого. На реке ломается лед, и все пробуждение природы как бы окрашено восприятием Зернова, не желающего «уходить» с земли», где так много еще нужно сделать:

...сырой лозой перевиты,
уже путевки ждут плоты,

чтоб мачтой стать, чтоб шпалой лечь,
чтоб в скрипке вспомнить птичью речь!..

Осуществляя свой замысел, автор поднимается до зрелого мастерства.

И знаменательно, что глубокая, своя, выношенная под сердцем тема «отшибла» те чужие, заемные интонации, которые нередко заглушали голос поэта в его же стихах о деревне. Пропадают в поэме и интонации Твардовского. Кстати сказать, нельзя искусственно связывать Грибачева с Твардовским, как это делают иные товарищи, только на том основании, что в стихах Грибачева на первом этапе его творчества более или менее отчетливо бывали слышны интонации Твардовского и у обоих поэтов был общий материал. Это — слишком внешнее сходство. Грибачев уже в «Весне в «Победе» наглядно показал, насколько у него иная, своя тема и иной, свой путь.

Нужно итти в глубь поэтической темы, как идеи, проведенной через художественную индивидуальность, чтобы устанавливать между поэтами те или иные связи и взаимоотношения. Поэтическая тема для автора — долг совести, внутренняя необходимость. О высоком отношении к теме свидетельствует в творчестве Николая Грибачева не только поэма «Весна в «Победе», но и другая поэма — не о русской деревне, не о колхозе, а о далекой Корее, о корейском народе и его вожде. В ней много прекрасных страниц. В особенности хороша первая глава, где Ким Ир Сен беседует с участниками советской делегации и разговор заходит об охоте:

И тут же сказал не без грусти,
рукой как бы тронув курки,
что прямо станицами гуси
кочуют в долинах реки.

Что стать бы сейчас у болота,
что пить бы глазами простор,
следить, ожидая пролета,
как вечер спускается с гор,
как, с встречным течением споря,
плавник под зарей опалив,
к верховьям из Желтого моря
проходит по рекам прилив...

Раскрывая образ Ким Ир Сена, как воплощение железной воли корейского народа к борьбе, поэт сумел сделать этот образ близким, человечным:

И вот, заключая по ходу
беседу, он встал у стола:
— Ну, как не собрать на охоту?
— А вы?
— Не пускают дела.
. . . .
И вдруг за беседу впервые,
за два с половиной часа
наполнились скорбью живые
и гневом сверкнули глаза.

Подлинным лиризмом пронизана сцена посещения нашей делегацией корейской деревни:

Мы в юности жили и сами
в хатенках, что книзу росли,
где ветер гуляет пазами,
где пол не светлее земли,

загнети черны и щербаты,
углы с безысходной тоской.
Но даже и те наши хаты —
палаты в сравненьи с такой.

Здесь бедность на крайнем пределе
от века командует всем:
одежды — всего, что на теле,
а риса — как раз на посев...

Героическая воля народа закалялась не только в нужде, но и в отпоре иноземным захватчикам. Поэт рисует эпизод горной войны партизанского отряда, во главе которого стоял Ким Ир Сен. Отряд окружен японцами. Бойцы изнемогли, закоченели, иные требуют от своего командира, чтобы он послал их на верную смерть — «дорваться к японцу». «Та легкая гибель не впрок нам»,— говорит Ким Ир Сен,—

Не смолкнет с того пулемет их
И сабля не ляжет в ножны.
В Корее достаточно мертвых,
Корее живые нужны!

Тема сражающейся Кореи стала поэтической темой Грибачева, и если не все удалось ему в этой поэме, то лучшее в ней делает поэму о корейском народе произведением истинно поэтическим. Можно пожалеть, что эта поэма осталась недооцененной. Но это только говорит о том, что правильная оценка не всегда устанавливается сразу.

Причина неудачи Грибачева в его последней книге стихов в том, что он не сумел общую идею сделать своей поэтической темой. Не может читатель принять близко к сердцу то, что не прошло через сердце автора, через его художественную индивидуальность. От этого и вырвались вновь на поверхность во многих стихах о Кавказе все те недостатки в творчестве Грибачева, которые отступили перед победоносным нравственно-поэтическим пафосом его поэм о Зернове-парторге и о Ким Ир Сене.

О поэте нужно судить по лучшему в его творчестве, по его художественным вершинам. Иначе не увидишь его возможностей. Николай Грибачев — поэт даровитый, ищущий, остро чувствующий политическую мысль. У Грибачева есть на что равняться в своем собственном творческом опыте. Именно на фоне этого лучшего, сделанного поэтом, особенно ясно видна художественная слабость его последней книги.

ЯПОНСКИЕ ИДЕОЛОГИ РЕВАНША

М. МАРКОВ

«Совершенно секретно. По прочтении — сжечь». Сколько документов, снабженных этими грозными грифами, распространялось накануне капитуляции Японии между членами всевозможных милитаристских и «ультра-националистических» организаций! И все же одна из них — инструкция членам агрессивно-шовинистической «Лиги Восточной Азии» — уцелела. Вопреки желанию конспираторов, он попал в руки иностранных журналистов и был опубликован в печати. «Поражение, — гласит образчик этой циркулярно-мистической литературы японских реакционеров, — было волей небес, чтобы заставить народ призадуматься и мобилизовать все свои силы для подготовки к окончательной войне... Нет сомнения в том, что вооружение и методы войны в будущем будут совершенно отличны по характеру от нынешних. С этой точки зрения временное разоружение будет выгодным для дела реконструкции. Подготовка к развертыванию нашего движения должна быть завершена до окончания оккупации, после чего мы развернем энергичное политическое движение с тем, чтобы быстро подчинить народ своему контролю».

Однако «подчинение народа своему контролю» оказалось не столь простой задачей, как это считали составители реваншистской инструкции из «Лиги Восточной Азии».

Никогда народные массы Японии не проявляли такого единодушия и такой организованности, как в наши дни, когда в движении против ремилитаризации, за мир и национальную независимость объединяются все подлинно патриотические силы общества. Проповедь милитаризма и реванша, с которой обращаются к народу амнистированные военные преступники и вновь объявившиеся идеологи агрессии, наталкивается на все усиливающийся отпор. Недавнее доказательство этому — провал на парламентских выборах тех партий, которые посмели обратиться к избирателям с открытой программой перевооружения.

Пытаясь любой ценой сломить сопротивление народа, японская реакция прибегает к испытанному средству — полицейскому террору. Общеизвестно, что в деле искоренения «подрывной деятельности», т. е. в фашистском подавлении прогрессивных элементов страны, нынешние «демократизированные» на заокеанский лад японские жандармы давно обскакали своих предшественников тодзиевских* времен. Однако одних лишь «негативных» средств, вроде травли борцов за мир и независимость, и прежде всего, коммунистов, закрытия прогрессивных газет, запрещения забастовок, вроде массовых расправ с участниками мирных демонстраций и митингов, и т. п., оказалось недостаточно. Поэтому, наряду с жесточайшим полицейским террором, все шире практикуется идеологическая обработка общественного мнения в шовинистическо-милитаристском духе.

Наибольшее значение с этой точки зрения придается возрождению культа императора — этого старейшего и испытанного орудия духовного порабощения японского народа. После войны Хирохито вынужден был, как известно, официально сложить с себя венец «божественности». Срочно был разыгран фарс с превращением «потомка богини солнца Аматерасу-о-Миками» в «демократического монарха».

Ныне прилагаются все более настойчивые усилия для реставрации веры в божественность «тэнно» — императора, именем которого неизменно освящалась агрессивная внешняя и реакционная внутренняя политика японского империализма. Вскоре после подписания сан-францисского договора тогдашний министр просвещения Амано (в прошлом ярый социал-фашист, трубадур «мировой миссии японской расы») следующим образом определил установку правительства в этом вопросе: «Я хочу, чтобы наши люди питали благоговейные чувства к чему-то духовному, неизменному в истории, т. е. к абсолюту. В соответствии с этой идеей я и думаю руководить образованием и общественным воспитанием».

Амано разработал даже специальный «народный кодекс морали», изображающий императора Хирохито, как «совершенный образец нравственности, к которому должен стремиться народ». На деле, конечно, с восстановлением культа императора связываются отнюдь не этико-моральные, а откровенно реваншистские цели. Пропагандисты реваншизма часто цитируют августейшие вирши, сочиненные Хирохито в час поражения и капитуляции: «Учитесь у вечнозеленой сосны, которая, стоя одиноко в саду, среди зимнего упадка, никогда не меняет цвета».

В том, что черные силы японской монархической реакции не изменили своего цвета, сомневаться не приходится. Реваншисты все наглее вытаскивают на свет лозунг «паназиатизма», который служит им для протаскивания излюбленной идейки «руководящей» роли Японии в Азии. Подобная пропаганда, разумеется, призвана оправдать экономическую экспансию, уже полным ходом осуществляемую кликой японских монополистов — дзайбацу в этой части света. Японские экспортеры, представляющие нередко также и интересы американских фирм, энергично завоевывают рынки многих азиатских стран; эмиссары японских монополий рыщут из страны в страну, собирая «экономическую информацию» и накладывая лапу на источники стратегического сырья, японские банки открывают свои отделения в различных пунктах Юго-Восточной Азии.

И под все это подводится в качестве базы старая фашистская «теория» о нехватке «жизненного пространства» для японцев. «80 миллионов человек, — патетически жаловался премьер Иосида на собрании крупнейших дельцов, — сосредоточены на четырех маленьких островах!» Японцам тесно без колоний! — вопят реваншисты.

Наряду с идеями «расовой общности азиатов» пропагандируется и пресловутая фашистская «теория» о превосходстве японской расы «ямато» над другими народами. Ядро возрождаемой реваншистской армии «Корпус национальной безопасности» не случайно избрал эмблемой для своего флага нежный цветок вишни: он издавна считается символом «ямато-дамаси» — «истинного духа» Японии. «Среди цветов — вишня, среди людей — самурай», — гласит старинная японская пословица. Солдат должен быть готов в любую минуту к смертельно опасному подвигу во имя императора — расцвести ненадолго и умереть без сожаления, развеяться по ветру, подобно вишневому цвету, — такова, если можно так сказать, литературная формула самурайского духа — духа «бусидо». Его-то и пытаются ныне возродить в народе недобитые японские милитаристы, апеллирующие в своей пропаганде прежде всего к романтизму молодежи.

Подобного рода «воспитательной» деятельностью занимается и министерство просвещения. Токийское радио сообщило, что при каждом университете предполагается учредить штат специальных инструкторов для консультации студентов по идеологическим вопросам. За каждым инструктором будет закреплено по 40—50 студентов. Им в задачу вменяется направить студенческое движение «в сторону здорового развития», сиречь — оградить молодежь от «заразы» демократических идей.

Не оставлено ржаветь без употребления и такое проверенное орудие воздействия на массы, как религия. Сугубое внимание уделяется ныне синтоизму — этой глубоко реакционной системе религиозного поклонения императорам, предкам и канонизированным «военным героям». Синтоистская церковь, подчиненная правительственному контролю, в прошлом служила вернейшей опорой агрессивной правящей клики.

После капитуляции Японии специальной директивой оккупационных властей синтоистская церковь была отделена от государства. Правительственные субсидии синтоистским храмам были запрещены так же, как и официальные паломничества в эти храмы должностных лиц. Ныне синтоистский культ полностью восстановлен. Вновь активно функционирует крупнейший в Японии центр милитаристской пропаганды — синтоистский храм «Ясукуни Дзиндзя», посвященный душам воинов, павших «во славу императора». Официальным сигналом к возобновлению деятельности синтоистских храмов послужило торжественное посещение «Ясукуни Дзиндзя» премьер-министром Иосида...

Роль проводников и распространителей идеологии реваншизма выполняют заботливо сохраненные после разгрома японского империализма различные «ультрапатриотические» организации. На конец прошлого года в Японии было зарегистрировано около 2 тысяч таких организаций. А существуют ведь еще и не зарегистрированные! Открытый курс на ремилитаризацию страны, взятый оккупационными властями и нынешним японским правительством, окрылил «Гумбацу» — бывшую военную клику. Оказавшаяся после капитуляции не у дел, окруженная презрением и ненавистью народа, ныне она вновь почувствовала себя «нужной» и подняла голову.

Среди «ультранационалистических» организаций насчитывается множество открыто милитаристских — они обычно объединяют бывших военнослужащих и строятся по военному образцу.

Тотчас после вступления в силу сан-францисского сепаратного «мирного договора» была восстановлена крупнейшая из массовых милитаристских организаций довоенной Японии — «Дзайго Гундзинкай» — «Японский союз резервистов». Эта организация была создана еще в начале нынешнего века. Ее секции, разбросанные по всей стране, охватывали миллионы японцев, отслуживших свой срок в армии, а юношеские отделения союза объединяли допризывную молодежь. «Союз резервистов», осуществлявший военную подготовку населения и проводивший монархическую и шовинистическую агитацию в массах, служил одной из важных опор японского милитаризма. Он позволял держать под контролем сельское население, всегда поставлявшее основные контингенты для армии. Это обстоятельство придает «Союзу резервистов» особенную ценность в глазах реваншистов в условиях современной Японии, где ширится и крепнет крестьянское демократическое движение.

В целях идеологической «обработки» народа в нужном реваншистам духе, широко используются средства печати, кино, радио. Как указывает японский публицист Масайоси Ивабуси, «милитаристские фильмы, превозносящие подвиги самураев, стали появляться все чаще и чаще. С некоторых пор старинные обычаи и легенды все чаще используются как сюжеты для фильмов. В них часто выражены самые консервативные, реакционные и ультрареакционные тенденции».

На главной торговой улице Токио — Гиндзе открыто продаются патефонные пластинки с недавно еще запрещенными военными песнями. Эти песни постоянно включаются в радиопрограммы. Прилавки книжных магазинов ломятся под томами мемуаров военных преступников. В настоящее время одним из усиленно рекламируемых «боевиков» являются мемуары Сигемицу «Бурные годы эры Сиова». В прошлом году с необычайным шумом было опубликовано «завещание» главного военного преступника генерала Тодзио, казненного по приговору Международного военного трибунала. Реваншисты всячески стремятся создать ореол «мученика» вокруг имени этого «японского Гитлера». Не далее как 17 мая в буддийском храме префектуры Натано была организована траурная церемония, посвященная памяти Тодзио и шести других казненных главных преступников. Управляющий крематорием, где были похоронены останки казненных, тайно собрал их в урну и переслал в буддийский храм вместе с предсмертными письмами и... наручниками, в которых Тодзио и К° отправляли на казнь. Многозначительная «реликвия», которая должна была бы, между прочим, заставить призадуматься нынешних наследников Хидеки Тодзио!

Подобно тому, как «национализм» тодзиевских времен ничуть не противоречил союзу с гитлеризмом, современные глашатаи реванша открыто провозглашают союз с американским империализмом. Премьер-министр Иосида в конце 1951 года созвал совещание представителей педагогических кругов и духовенства, чтобы заручиться их помощью в создании «идеологии новой Японии». По утверждению газеты «Дзенко», на этом совещании было заявлено, что японский «национализм» ныне должен ратовать за единство с Западом...

Однако при всей заинтересованности крупной японской буржуазии в американской поддержке, которая должна, по расчетам дзайбацу, помочь японскому милитаризму встать снова на ноги, полнейший отказ нынешнего правительства Иосида от какой-либо политической самостоятельности вызывает недовольство и протест даже в этих реакционных кругах. Здесь не могут не учитывать и настроения народных масс, возмущенных политикой отказа от национального суверенитета и независимости страны. «Антиамериканизм, — вынужден констатировать американский журналист Гордон Уокер, — это хорошая приманка, которую используют ультранационалисты».

Немало имеется и таких шовинистических организаций, которые пытаются спекулировать на глубоком отвращении японского народа к участию в империалистических блоках. Эти организации выдают себя за сторонников «нейтралитета», призывая в то же самое время к усиленному перевооружению. Какова цена этому «нейтралитету», можно судить по разглагольствованиям колоритного представителя наиболее оголтелых кругов японской военщины «Малайского тигра» полковника Масанобу Цудзи. В одной из его книг, вышедших за последнее время, содержится следующее откровенное утверждение: «Истинная роль Японии сейчас заключается в том, чтобы спокойно наблюдать за исходом борьбы двух «великих чемпионов» — США и СССР. Япония должна позаботиться о том, чтобы максимально использовать свои возможности в тот момент, когда они истощат друг друга».

Различия между открытыми сторонниками военного союза с США, демагогами, играющими на ненависти народа к оккупантам, псевдонейтралистами и прочими реваншистами, — это всего лишь различия в тактике. Доказательством тому служит энергичная поддержка, оказываемая всем им из одного и того же источника магнатами военной промышленности.

Идеологам войны и реванша становится все труднее вести свою тлетворную работу. Великие перемены, совершившиеся в мире в результате победы над силами агрессии и фашизма, не прошли бесследно для Японии. В сознании японского народа произошли глубокие сдвиги, в стране возникли и растут демократические силы. Японский народ, как и другие народы, ненавидит войну и с каждым днем все тверже заявляет о своей решимости отстаивать мир, бороться за восстановление независимости и свободы родины.

* Хидеки Тодзио — премьер-министр Японии в годы второй мировой войны, один из главарей реакционной милитаристской клики.

Под видом так называемого Корпуса национальной безопасности японские реваншисты возрождают агрессивную армию. Этот фотоснимок был помещен газетой «Ниппон таймс», выходящей в Токио на английском языке: генеральный директор Корпуса национальной безопасности Токутаро Кимуро (слева) и начальник первого отдела штаба корпуса Кейдзо Хаяси осматривают новые танки. Фотографию газета снабдила выразительной подписью: «Готовы к действию!»

На другом снимке (справа), взятом из английской газеты «Дейли уоркер», японские солдаты маршируют на смотре в Токио. Они вооружены американским оружием.

В защиту прав женщин, домашних очагов и детей, за мир во всем мире — под таким лозунгом 5 июня в Копенгагене открывается Всемирный конгресс женщин. На призыв Международной демократической федерации женщин, независимо от своих политических взглядов и религиозных убеждений, горячо откликнулись работницы и домашние хозяйки, деятельницы науки и искусства, женщины-матери, которым дорог мир и ненавистна война. Более чем в 70 странах велась активная подготовка к конгрессу. В Копенгагене, куда в эти дни съезжаются представительницы народов почти всех стран мира, был создан подготовительный комитет, в который вошли 28 человек, в том числе виднейшая общественная деятельница госпожа Элин Аппель, писательница Дитлевсен, актриса Квистгорд, скульптор Ноак и другие. Всемирный конгресс женщин явится новым вкладом в борьбу народов за мир во всем мире против военных приготовлений и снижения жизненного уровня трудящихся.

На фото: демонстрация датской молодежи в Копенгагене, протестующей против удлинения срока военной службы. На плакатах, которые несут демонстранты, надписи: «Дания должна выйти из Атлантического блока», «Не пушки, а новые жилые дома».

Снимок из датской газеты «Ланд ог фольк»

ГРУЗ НОРВЕЖСКОГО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

«Налоги до и после войны» — так называется этот рисунок, помещенный норвежской газетой «Фрихетен». Он весьма выразительно и наглядно дает представление о том, каким тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся Норвегии милитаризация страны.

Верхняя фигурка изображает норвежского налогоплательщика в 1936 году. В те дни общая сумма налогов, взимавшихся с населения Норвегии, составляла, как гласит надпись, 604 миллиона крон.

О том, как обстоит дело сейчас, рассказывает нижний рисунок, на котором изображен человек, согнувшийся в три погибели под тяжестью огромных мешков. «Государственные налоги — 1.100 миллионов крон», «Косвенные налоги — 2.800 миллионов крон», «Коммунальные налоги — 1.400 миллионов крон» — таков ныне груз, взваленный на норвежских налогоплательщиков.

Куда же уходят эти огромные средства? На что они расходуются? Опубликованный недавно проект государственного бюджета Норвегии на 1953 год свидетельствует о том, что по сравнению с 1952 годом военные расходы возрастают в $1^1/_2$ раза, а по сравнению с довоенным временем — в 35 раз!

К поездке Даллеса

ОБЗОР ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Зарубежная печать широко комментировала трехнедельную поездку государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса и руководителя «Управления взаимного обеспечения безопасности» Гарольда Стассена по странам Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Вылетев из США 9 мая, Даллес и Стассен посетили Египет, Израиль, Трансиорданию, Сирию, Ливан, Ирак, Саудовскую Аравию, Индию, Пакистан, Турцию, Грецию, Ливию и, наконец, 29 мая вернулись обратно в Вашингтон.

В Соединенных Штатах, как видно, придавалось этой поездке немалое значение. Подчеркивая, что речь идет о том, чтобы «приобрести, либо потерять политическое руководство 60 миллионами людей, приобрести или потерять контроль над стратегическими подступами к трем континентам и доступ к половине разведанных мировых ресурсов нефти», американский журнал «Нью рипаблик» предупреждал: «На карту поставлено чрезвычайно много».

Как показывают сообщения печати, Даллес имел в виду прежде всего «стратегические» интересы США, а именно — организацию «средневосточного командования», т. е., иными словами, создание военного блока в составе возможно большего числа стран Ближнего и Среднего Востока, строительство на территории этих стран американских военных баз и фактическую оккупацию их войсками государств — организаторов Атлантического союза. Так, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» высказывала надежду, что поездка Даллеса «может помочь... устранить препятствия, которые задерживают создание давно планируемой средневосточной организации обороны». Тот факт, что военные планы играли главенствующую роль, отметил и сам Даллес в официальном заявлении накануне поездки. «Все еще необходимо, — заявил он, — разрешить много проблем, которые приобретают большое значение в связи со стратегическим положением этих стран».

Какие же это проблемы? Известно, что провал планов создания средневосточного блока объясняется широким антиимпериалистическим движением народов арабских и других ближневосточных стран, борющихся за свободу и независимость. Отвечая в сенатской комиссии по иностранным делам сенатору Уайли, обеспокоенному падением престижа США в странах Ближнего Востока, Даллес признал, что в этом отношении положение «ухудшилось». Более откровенно высказалась на этот счет газета «Нью-Йорк таймс»: «Престиж Соединенных Штатов достиг в арабском мире небывало низкого уровня». Обращает на себя внимание и тот факт, что Даллес не посетил Иран, так как, по признанию официальных лиц в США, «сильные антиамериканские настроения делают визит нежелательным в настоящее время».

По мнению американских обозревателей, осуществление планов «средневосточного командования» натолкнулось на серьезные противоречия, существующие между странами — участницами проектируемого блока. Обозреватели единодушно выделяют четыре конфликта: англо-американские противоречия вообще; англо-египетский спор о Суэцком канале; противоречия между арабскими странами и Израилем; разногласия между Индией и Пакистаном в вопросе о Кашмире.

Естественно возникает вопрос, насколько Даллесу и Стассену удалось в этих условиях добиться поставленных целей? Обратимся к высказываниям иностранной печати.

В Египет Даллес прибыл в самый разгар англо-египетского спора по поводу вывода английских войск из зоны Суэцкого канала, когда переговоры между представителями Египета и Англии уже были прерваны. Хотя поначалу американские официальные круги и уверяли, что Даллес не имеет намерения «добиваться роли посредника или арбитра», государственный секретарь США все же активно вмешался в конфликт и, как сообщала печать, представил свой план разрешения англо-египетского спора.

Заявление, опубликованное Даллесом в Каире, убедило египетскую общественность в том, что Соединенные Штаты преследуют в первую очередь свои собственные интересы и стоят за продолжение иностранной оккупации зоны Суэцкого канала. Касаясь американского плана вывода английских войск из зоны Суэцкого канала «по этапам», ливанская газета «Телеграф» указывала: «Даллес заявил, что его правительство пытается убедить Англию вывести свои войска из зоны Суэцкого канала, однако лишь после того, как арабские страны возьмут на себя обязательство согласиться с проектом средневосточного командования, учитывая то обстоятельство, что этот проект возложит ответственность за оборону Суэцкого канала на английские, американские, французские, египетские и турецкие войска».

В свою очередь египетская газета «Аль-Мысри», характеризуя американский план, писала: «Свободный мир, в который Даллес хочет, чтобы мы вступили, это тот же свободный мир, который выступал против нашего национального освобождения... Это тот же свободный мир, который все еще оккупирует Египет, Ирак и Иорданию и хочет превратить арабские страны в базу снабжения своих армий продовольствием и нефтью». Газета «Аль-Мысри» приходит к выводу, что «нет никаких общих интересов, которые связывали бы страны Среднего Востока с Соединенными Штатами», и что визит Даллеса «служит лишь интересам его страны».

Весьма настороженно «посредничество» Даллеса было встречено и в английских кругах. Американский план разрешения англо-египетского спора, по мнению египетской газеты «Аль-Ахбар», «может вызвать новые разногласия между Америкой и Англией».

Подводя итоги визита Даллеса в Египет, газета «Аль-Ахрам» отмечала: «Каждая страна (т. е. Англия и Египет. — **Ред.**) решительно отстаивала свою точку зрения», и таким образом переговоры государственного секретаря США не дали никаких результатов. По сообщению тель-авивского корреспондента агентства Рейтер, Даллес, учитывая затянувшийся тупик в англо-египетских переговорах, «разочарован итогами своего визита в Каир».

Сообщения печати не оставляют сомнения в том, что окончилась неудачей и попытка Даллеса «примирить» арабские страны и Израиль, чтобы включить их вместе в планируемое «средневосточное командование». Арабские страны, заинтересованные в развитии своей отсталой экономики, и США, пытающиеся в первую очередь сколотить военный блок на Ближнем Востоке, говорили фактически на разных языках. Даллес, подчеркивала сирийская газета «Аль-Лива», «едет ради стратегических позиций, которые занимает наша страна... Он едет и с целью осведомиться о кризисе, который мы переживаем и который является делом рук Америки и Англии. Он едет к нам для того, чтобы вовлечь нас на путь совместной обороны (т. е. вовлечь в военный блок. — **Ред**) и убедить подписать мир с Израилем».

Попытка Даллеса воздействовать на правительства арабских стран, судя по откликам печати, не дала сколько-нибудь существенных результатов. Голландская газета «Телеграаф» писала по поводу переговоров Даллеса в столицах арабских стран: «Хотя главный редактор «Чикаго трибюн» при отъезде Даллеса на Средний Восток заявил, что разница между силой США и арабского мира больше, чем разница между силой слона и мухи, арабские руководители в присутствии Даллеса отнюдь не чувствовали себя этими слабыми насекомыми. Вместо похвал по адресу американской политики Даллесу пришлось выслушать многочисленные жалобы на Вашингтон... Эту поездку Даллеса можно сравнить с разъездом представителя фирмы, который у всех дверей слышит: «Сегодня не надо».

О результатах переговоров Даллеса в Индии свидетельствует такое, например, сообщение корреспондента агентства Франс Пресс из Дели: переговоры «не привели к заметному сближению точек зрения Индии и Америки», потому что имеются «серьезные разногласия между США и Индией». Или вот еще: «Нет никаких указаний, — сообщала газета «Нью-Йорк таймс», — что разногласия между Вашингтоном и Дели по вопросам дальневосточной политики уменьшились».

Имея в виду необходимость ослабления международного напряжения, индийская газета «Амрита базар патрика» с сожалением писала: взгляды Даллеса на международное положение в целом, изложенные им 22 мая на пресс-конференции в Дели, «лишь подтверждают опасения, что США не будут сотрудничать даже со своими западными союзниками для того, чтобы хотя до некоторой степени ослабить международное напряжение».

Попытка Даллеса вмешаться в индо-пакистанский спор, чтобы таким путем укрепить американские позиции в этом районе, встретила отпор со стороны Индии. По сообщению агентства Франс Пресс, в своем выступлении 26 мая «премьер-министр Неру дал понять, что он просил государственный департамент США не вмешиваться в кашмирский вопрос и предоставить его разрешение Индии и Пакистану».

Почти во всех столицах ближневосточных государств Даллес столкнулся с многочисленными выражениями решительного протеста широких народных масс против политики США. Тысячи людей единодушно заявляли: «Никакого вмешательства Соединенных Штатов в наши внутренние дела!», «Долой агрессивный средневосточный военный блок!», «За мир, свободу и независимость стран Ближнего Востока!». Массовые протесты достигли такой силы, что иностранным корреспондентам, по словам американской газеты «Дейли ньюс», даже было запрещено сообщать об инцидентах, происходивших во время пребывания Даллеса в столицах некоторых стран.

Переговоры, которые вел Даллес, вызвали немалую тревогу как в Лондоне, так и в Париже. Еще в первый день поездки Даллеса английская газета «Санди экспресс», приведя в качестве примера положение на Среднем Востоке, жаловалась, что «американская политика очень часто направлена в ущерб Англии». Касаясь созванного непосредственно после поездки Даллеса совещания французских дипломатических представителей в Бейруте, ливанская газета «Ас-Сарха» указывала, что «французы не менее англичан обеспокоены визитом Даллеса», так как «визит Даллеса полностью и неразрывно связан с проектами, имеющими своей целью распространить американское господство на весь бассейн Средиземного моря».

Оценивая результаты поездки Даллеса, американская печать не скрывает своего пессимизма. Государственному секретарю США не удалось решить ни одной из тех проблем, о которых он заявил, отправляясь в долгий путь. В этой связи весьма характерно высказывание газеты «Вашингтон стар». Напоминая, что Даллес — первый государственный секретарь США, посетивший ближневосточные страны, газета сокрушается по поводу того, что ему «не удалось произвести большого впечатления на арабские народы». «Эта миссия доброй воли, — заключает газета, — была предпринята для того, чтобы укрепить наши связи с арабским миром, и наблюдатели на местах считают, что она потерпела фиаско, которого можно было бы избежать, если бы государственный секретарь остался дома и занимался своими каждодневными делами».

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Английская газета «Рейнольдс ньюс» опубликовала в № 5347 статью бывшего министра торговли в лейбористском правительстве Гарольда Вильсона, озаглавленную: **«Продовольствие, которое никто не может есть».**

REYNOLDS NEWS

Food that nobody may eat

Already—at a time when 1.500.000.000 people in the world are not getting enough to eat—the U.S. are considering destroying food. Vast quantities of surplus potatoes have been made unfit for human consumption by the application

В статье содержится следующее утверждение:

«Уже теперь — в период, когда 1.500.000.000 человек во всем мире испытывают недостаток в продовольствии, США собираются уничтожать продукты. Огромное количество избыточного картофеля было сделано непригодным для еды путем применения синей краски».

Комментарии излишни!

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01272.